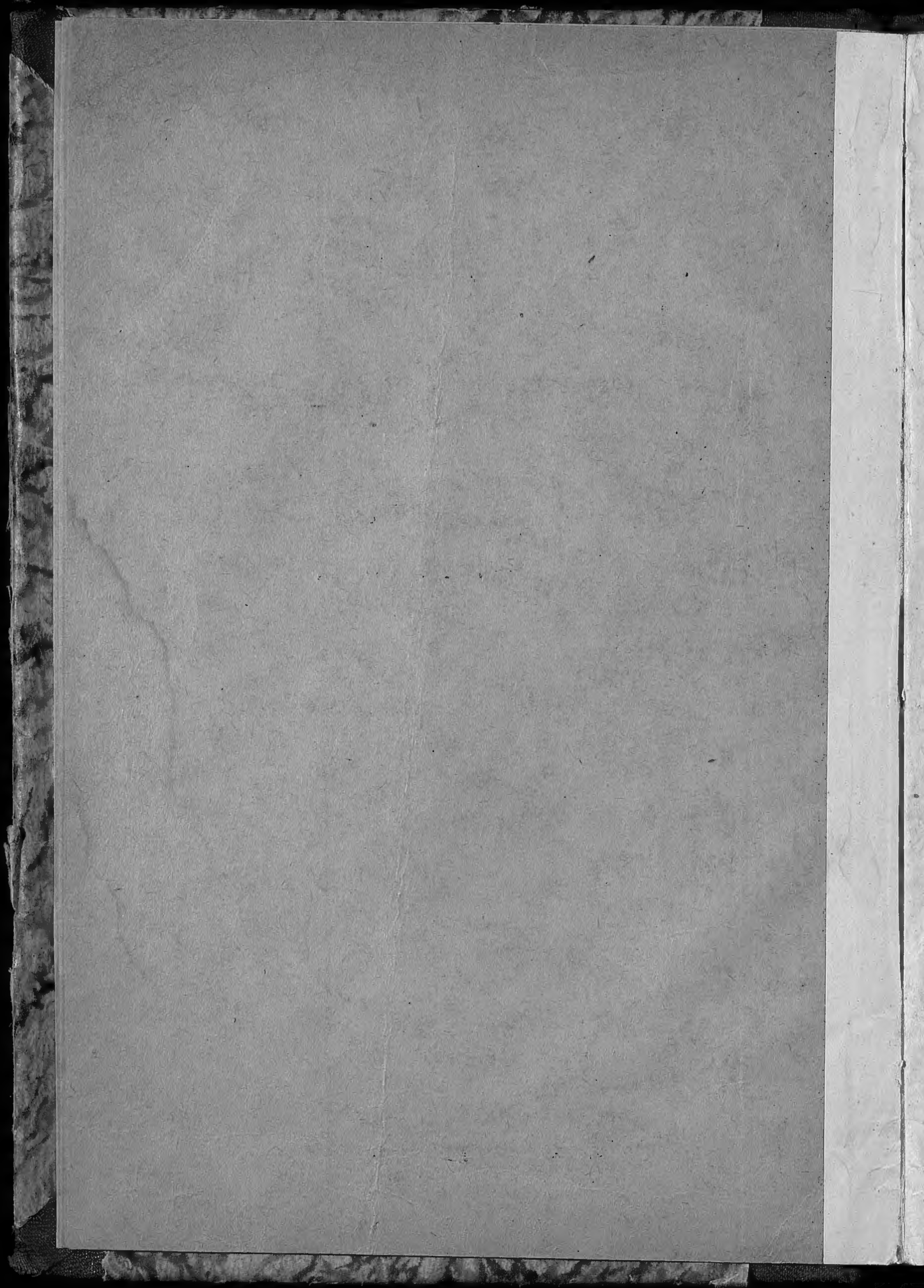
К. Е. ВОРОШИЛОВ

и

ЛУГАНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

1900—1918 годы

ИСТПАРТ ГОРПАРТКОМА.
ЛУГАНСК • 1931

К. Е. ВОРОШИЛОВ

И ЛУГАНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ

в 1900-1918 г. г.

Сборник к 50-тилетнему юбилею
К. Е. Ворошилова.

Составили Н. И. Миллер и Е. Сталь.

Под редакцией Н. И. Миллер.

ИСТПАРТ ЛУГАНСКОГО ГОРПАРКОМА
1931

Райліт № 155
Друкарня Вид-цтва
„Луганська Правда“
№ 886—3000.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Ряды товарищей—старых кадровых рабочих, подпольщиков и бывших соратников К. Е. Ворошилова, знавших и работавших вместе с ним, постепенно редеют.

Это обстоятельство побудило Луганский ИСТПАРТ приступить к собиранию материалов, относящихся к жизни и революционной деятельности Клима Ефремовича Ворошилова на Луганщине.

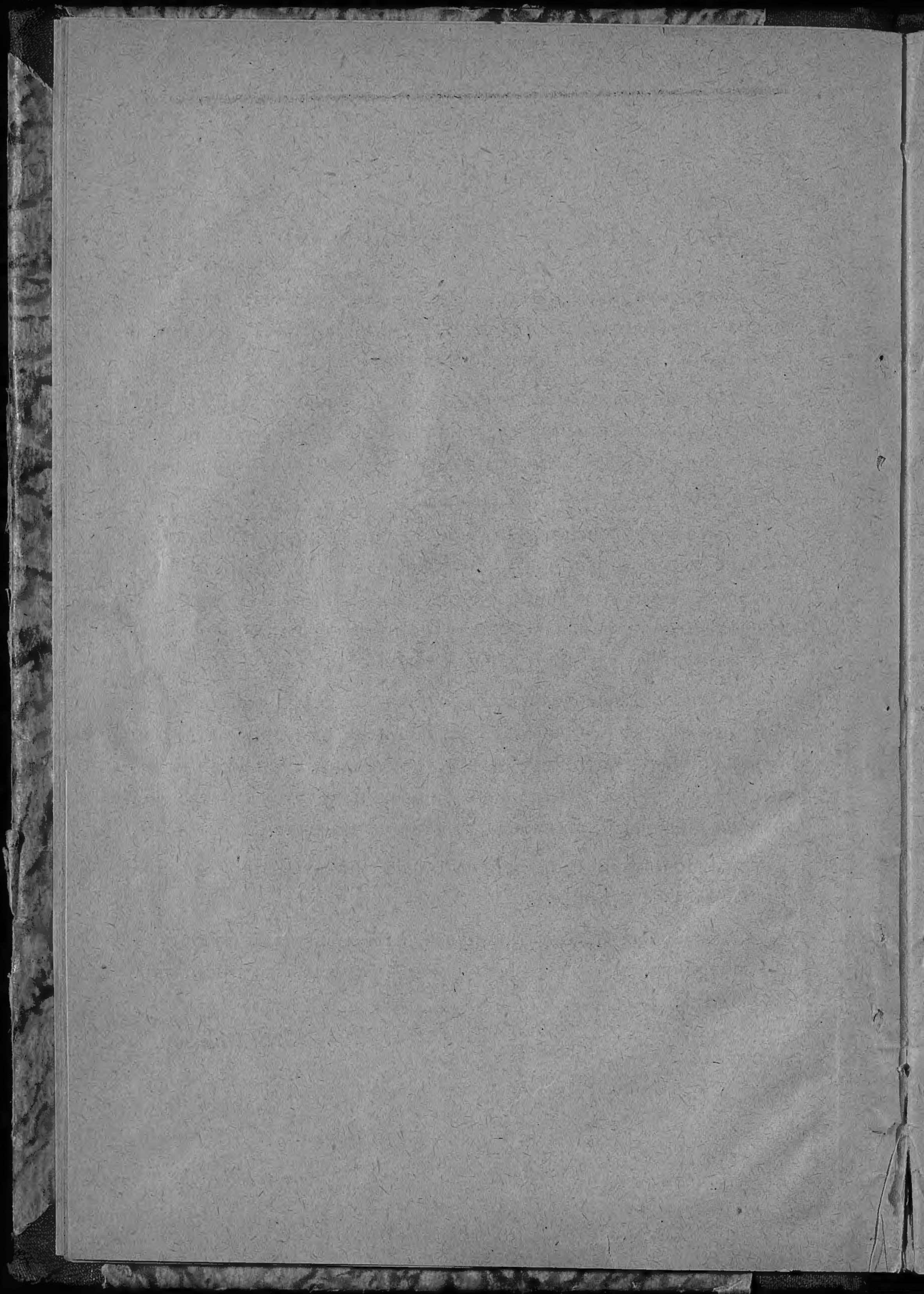
К великому сожалению, к юбилейным дням начатую работу не удалось закончить. В связи с чем, 19 января 1931 г., учитывая горячее желание рабочих ознаменовать юбилей своего вождя, юбилейная комиссия поручила мне к 5-му февраля выпустить сборник воспоминаний.

Установленные комиссией сроки не дали возможности даже полностью обработать имеющиеся материалы и, тем более, собрать, что-либо новое, поскольку, большая часть материалов и документальных данных находятся в музеях и архивах Москвы, Ленинграда, Днепропетровска и др. городов.

Это положило свой отпечаток на характер, содержание и оформление сборника.

Отмеченные недостатки будут исправлены в последующих изданиях, к составлению которых уже приступил ИСТПАРТ.

Н. Миллер.

Наркомвоенмор СССР К. Е. Ворошилов.

„История всегда показывала, что великие революции выдвигают великих людей и развертывают такие таланты, которые раньше казались невозможными“.

(ЛЕНИН).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем энтузиастам социалистической стройки и несокрушимой ее обороны, ко всем рабочим и красным партизанам Донбасса, бойцам, командирам, политработникам кадра и переменного состава дивизии Донбасса.

Дорогие товарищи!

5-го февраля 1931 года исполняется 50 лет со дня рождения Пред. Реввоенсовета и Наркомвоенмора СССР Климентия Ефремовича Ворошилова. **Тов. Ворошилов из 50 лет своей жизни отдал 32 года на самоотверженную борьбу за дело рабочего класса, за дело социализма.**

Тов. Ворошилов—старый рабочий заводов Луганска и Алчевска, первый активный участник революционного движения, один из первых организаторов боевых дружин 1905 года и вооруженных отрядов Красной гвардии 1917 г. в Донбассе. На революционной работе он горел неугасающим огнем, и за свою революционную деятельность в дореволюционный период Климентий Ефремович неоднократно подвергался обыскам, арестам и ссылкам.

Климентий Ефремович Ворошилов—ученик и верный последователь Ленина. На всем протяжении 29-ти летнего пребывания в партии он со всей энергией бросался на выполнение решений партии и их выполнял. Он решительно боролся со всеми антиленинскими уклонами—троцкизмом, правым, „левым" и прочими разновидностями оппортунизма. Он беспощадно расправлялся со всеми врагами—изменниками и предателями рабочего класса.

На фронте гражданской войны тов. Ворошилов находился с бойцами—в первых рядах и не раз бесстрашно смотрел смерти в глаза. Своей отвагой, беззаветной преданностью делу рабочего класса он достигал блестящих побед в борьбе против белогвардейцев. **Тов. Ворошилов имеет боевые заслуги—4 ордена Красного знамени, золотое и боевое оружие.** Он с 1921 года—несменный член ЦК ВКП(б), ВЦИК и ЦИК СССР. Он стойкий борец за осуществление генеральной линии партии.

Мы, рабочие—старые соратники Клима Ефремовича Ворошилова, Районные Партийные Комитеты и Райпроф. и Городской и Районный советы Луганска и Алчевска, Командование и Политический Отдел дивизии Донбасса—**призываем ответить на обострение классовой борьбы внутри страны, усиливающуюся угрозу военного нападения на СССР со стороны империалистических государств—победоносным строительством в нашей стране, мобилизацией всех наших сил на боевую работу, на борьбу за завершение построения фундамента**

социалистической экономики; еще большей классовой бдительностью и вниманием вопросам обороны нашей социалистической стройки, укрепления мощи и боеспособности Рабоче-Крестьянской Красной армии.

Товарищи рабочие—шахтеры, металлисты, химики, красные партизаны шахт и заводов Донбасса, бойцы кадра и переменного состава дивизии Донбасса! Будем помнить о защите нашей страны от вооруженного нападения империалистов и о величайших задачах, возложенных на нас в 3-м решающем году пятилетки.

Мы должны с еще большей энергией, энтузиазмом, яростью под руководством партии Ленина, методами соц. соревнования и ударничества, бороться: за улучшение качества продукции, за пролетарскую трудовую дисциплину, за повышение производительности труда, за подготовку новых квалифицированных кадров рабочих, за усиление военной работы на заводах, за честь и достоинство наших шахт и заводов, выполнять задачи боевой и политической подготовки, бороться с оппортунизмом всех мастей, тормозящим темпы социалистической стройки. **Мы должны с еще большим вниманием отнестись к оснащению нашей Красной армии техникой, проявлять максимальную заботливость о красноармейце, улучшая культурно-бытовые условия красной казармы, заботиться о семье красноармейца, инвалиде гражданской войны и герое-партизане.**

Должны ускорить темпы сбора средств на постройку дирижабля „Клим Ворошилов". **Должны большим вниманием окружить вопросы междусборовой работы, укрепляющей боевую мощь Красной армии, в частности, нашей дивизии Донбасса.**

Осуществляя все эти задачи, рабочие, красные партизаны и бойцы дивизии еще больше укрепят обороноспособность нашей страны, мощь Красной армии и ускорят темпы дальнейшего победоносного строительства социализма.

Это и будет в день юбилея лучшим подарком старому большевику-ленинцу—донецкому слесарю Климу Ворошилову.

Мы, старые соратники Клима Ефремовича Ворошилова, рабочие заводов, парткомитеты, райпроф. городской и районный советы Луганска и Алчевска, Командование и Политотдел дивизии Донбасса, в ознаменование юбилея 50-тилетия со дня рождения Климентия Ефремовича Ворошилова, 5-го февряля решили созвать в г. Луганске вседонбасский слет рабочих—шахтеров, металлистов, химиков, красных партизан Донбасса и энтузиастов боевой подготовки дивизии Донбасса. **Целью слета ставим подведение итогов выполнения промфинпланов, планов боевой подготовки и дальнейшего штурма по выполнению 3-го решающего года пятилетки и ударного года боевой учебы, широкого развертывания военной работы на предприятиях Донбасса.**

Мы уверены, что рабочие, красные партизаны Донбасса и бойцы дивизии примут активное участие в этом слете. Каждая шахта, завод, организация красных партизан, профсоюзы, партийные комитеты и воинские части пошлют на слет лучших ударников и энтуазистов боевой подготовки.

Пусть непоколебимая воля, беззаветная преданность делу рабочего класса тов. Ворошилова, его глубокая вера в победу труда над капиталом во всем мире станет образцом и примером пролетарского бойца-революционера.

Да здравствует донецкий слесарь, боевой руководитель и вождь РККА Клим Ворошилов!

Да здравствуют пролетарии Донбасса—энтузиасты социалистического строительства и его обороны!

Да здравствует ВКП(б)—организатор и руководитель развернутого социалистического строительства и обороны страны советов!

Подписали: *от старых рабочих—соратников Клима Ефремовича Ворошилова заводов Луганска и Алчевска.*

От Луганска:

1. *Литвинов*
2. *Паранич*
3. *Кариков*
4. *И. Алексеев*
5. *И. Нагих*

Секретарь Луганского Горпаркома *Зайцев*

Пред. Горсовета *Довбыш*

Профсовет *Данилов*

Командир и военком дивизии Донбасса *Рогалев*

От Алчевска:

1. *Щербаков*
2. *Глеков*
3. *Фомин*
4. *Кумейко*
5. *Виногреев*

Секретарь Райпаркома *Иванов*

Пред. Райисполкома *Лырев*

Профсовет *Иосим*

Начальник политотдела дивизии Донбасса *Цыцарев*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(К пятидесятилетию жизни тов. Ворошилова)

Ф. ЗАЙЦЕВ.

Тов. Ленин в 1918 г. в одной своей речи, говоря о защите Советской страны, привел мнение противного лагеря о том, что Советы не смогут воевать, так как у них «не будет офицеров» и тут же привел и другое, что «мы не должны забывать того, что говорили эти самые буржуазные офицеры, наблюдая борющихся рабочих против Керенского и Каледина: «да, эти красногвардейцы технически никуда не годятся, но если бы эти люди поучились несколько, то они имели бы непобедимую армию».

Красная армия победила, в первое время, в особенности не военной стратегией и техникой, а революционным духом восставших рабочих и крестьян, сознательно борющихся за свои завоевания. Красная армия выдвинула своих офицеров и своих вождей, являющихся плоть от плоти рабочего класса. «Офицерская» школа руководителей красноармейских полков, дивизий, армий начиналась с красногвардейских и партизанских отрядов. Наука, военая стратегия приобретались на практике в ожесточенных схватках с контр-революционными отрядами и армиями, не только армиями российских белых генералов, но и армиями 16-ти капиталистических стран, которые пытались интервенировать нашу страну. Теперь, в «мирной» передышке, наше красное офицерство науку, ученье одолевает и пополняет с неослабевающей энергией.

Климент Ефремович Ворошилов особенно выдающийся образец доподлинного вождя Краской армии, выкованного пролетариатом СССР.

Карл. Каутский лет 30 назад так писал об авангарде класса: «Повсюду мы видим в авангарде только избранных, политические способности которых, решают вопрос о зрелости всего класса».

Каутский, конечно, определил роль авангарда даже и тогда (до его сползания к ренегатству) не так, как это мыслыл тов. Ленин, и большевистская партия.

Ленин и партия ставили вопрос об авангарде, который не замыкается в себе, не отрывается от беспартийных рабочих масс, который исполняет ведущую роль, не плетется в хвосте стихийности, стоит «выше минутных интересов пролетариата» и поднимает «массы до уровня классовых интересов пролетарита». (Сталин).

Есть много призваных, но мало избранных. Авангард социал-демократии Европы, рос вместе с европейским рабочим классом, выковывался и воспитывался в основном на мирных условиях парламентаризма, в своем большинстве оказался не избранным, оказался быть может на уровне «зрелости» рабочих своих стран (их минутных интересов) но ни чуть не на уровне зрелости рабочего класса в целом. Это не большевистский авангард. Это «авангард» в кавычках типа международного меньшевизма.

Вожди II Интдрнационала опять таки даже в свою лучшую пору никак не могли догадываться, что русский пролетариат станет «авангардом международного революционного движения пролетариата», как это еще в 1902 году предсказал тов. Ленин в своей брошюре «Что делать?».

Тов. **Ворошилов** рос и воспитывался вместе с рабочим классом Донбасса, одного из отрядов нашей страны, рост которого можно характеризовать хотя-бы тем, особенно бурным ростом промышленности, ростом добычи каменного угля, производства чугуна и стали.

Рроизводство всего этого концетрировалось на крупнейших гигантских предприятиях. Так, семь южных металлургических заводов еще в 1899 г. сосредоточили в своих руках 72,5% всего производства чугуна в Донбассе и 76,8% всего производства рельс. Если первые годы XX столетия принесли определенную депрессию и снижение роста промышленности, то 1910-13 г.г. принесли вновь небывалый под'ем промышленности. За это время производство чугуна в России поднялось с 185,6 млн. пудов до 283 млн., производство стали с 184 до 246,6 млн. пудов, и добыча каменного угля с 1,5 миллиард. до 2,2 миллиардов пудов. Как известно 80-90% этого давал Донбасс.

Донецкий пролетариат проходил очень тяжелую школу капиталистической эксплоатации. Он переживал гнет царского абсолютизма, плюс выжимание соков не только украинской и русской буржуазии, но и международным империалистическим капиталом. Этот гнет и испытал на себе с детских лет (7-10 лет) **Клим Ворошилов** — донецкий пролетарий, луганский слесарь. Он вместе с лучшими передовыми рабочими Донбасса, лучшими пролетариями передового Луганска стал одним из первых организаторов революционной, партийной работы на ряде предприятий Донецкого бассейна и в особенности Луганска.

Роль тов. **Ворошилова**, как руководителя, большевика можно характеризовать следующей характеристикой т. Ленина, данной тов. Бабушкину, которая полностью применима и к нему: «Это люди, которые... действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию и организации их революционной самодеятельности».

Эту неуклонность и большевистское упорство за всю свою, больше чем 30-летнюю, революционную деятельность везде и всюду проводил т. **Ворошилов.** Он стихийность, неорганизованность первых вспышек рабочего движения Донбасса направлял в организационное русло партийного большевистского руководства. Он подготовлял пролетариат Донбасса на штурм капиталистических твердынь. Тов. **Ворошилов** по директивам партии, ее центров, подготовлял еще в 1905 г. к вооруженному выступлению Донецкий пролетариат, организовывал пролетариев Луганщины в боевые дружины, он сам два раза доставлял из Финляндии партии револьверов и патронов, он организовывал в Луганске лабораторию по изготовлению бомб.

Тов. **Ворошилова** выдвинул и выковал Донецкий пролетариат, особенно его передовой отряд луганские рабочие. Однако тов. **Ворошилов,** как профессионал революционер, как партийный работник работал не только в Донбассе. В промежутках между тюремными заключениями и ссылками в отдаленные края т. **Ворошилов** работал по поручению партии и в Петербурге, и в Баку, и в Царицыне и других местах. Так что в этом отношении **Клим Ворошилов** целиком и полностью является руководителем и революционным вождем, впитавшим все лучшие качества пролетариата бывшей России в целом, тем твердокамен-

ным большевиком рабочим, которые во все годы борьбы Ленина и Ленинской партии с ликвидаторами меньшевиками, с троцкистами, шли вместе с Лениным.

Ворошилов и политически воспитывал Донецкий пролетариат. Недаром К. Шелавин в книжке «о VI-м с'езде партии» так описывает состояние к июлю 1917 г. партийных организаций нашей страны: «В Петрограде большевики почти целиком завладели рабочим классом; в Москве сочувствие рабочих масс на стороне большевиков; в Донецком Бассейне преимущественно большевистское влияние; хуже на Урале и в Поволжьи; в Закавказье рабочие идут за меньшевиками».

Если в Донецком бассейне было сильно влияние на рабочие массы большевиков, это влияние особенно было сильно в Луганске. Здесь большевики, под руководством т. **Ворошилова**, почти целиком завоевали массы на свою сторону, в самом начале революции. Отсюда началась военная работа т. **Ворошилова**, как организатора Луганского отряда Красной гвардии, который потом разросся в целую 10 армию не только донецких пролетариев, а пролетариев и других рабочих центров Украины. Эта армия, под руководством тов. **Ворошилова**, отбивалась от наступающих полчищ немецкого империализма, по пути к Царицыну прорывала фронт казацкой контр-революции. Царицынский поход записан красными буквами в истории борьбы Донецких пролетариев с контр-революционными полчищами.

Донецкий пролетариат, под руководством Ленинской партии, сыграл буквально самую решающую роль в деле разгрома контр-революции, поднявшей борьбу против Советов. Донецкие рабочие в 10 армии, во главе с тов. **Ворошиловым**, бьются против козацких генералов за оборону Царицына. Донецкие пролетарии, под руководством тов. **Ворошилова**, бьются в рядах 14-ой армии, по отстаиванию и завоеванию Украины Советов против белогвардейских банд. Донецкие пролетарии в период немецкой оккупации Украины и гетманской власти сыграли самую решающую роль в деле разгрома козацкой контр-революции, разгрома петлюровских и гетманских полчищ. Союз гетмано-петлюровских и козацкого генеральства, отдавший Донбасс целиком на хозяйничание последних не мог закрепиться. Донбасс представлял из себя такой кипящий котел, потушить который было не под силу ни австро-германским войскам, ни Петлюре, ни гетману Скоропадскому, ни козацким генералам. Об'единенные силы Украинской и Донецкой контрреволюции разбивались о стойкость Донецкого пролетариата. Это сыграло одну из самых решающих ролей в деле укрепления советской власти на Украине.

Тов. **Ворошилов** рос и воспитывался вместе с Донецким пролетариатом.

Обозревая 30-летнюю партийную и революционную деятельность и 50-ти летие жизни тов. **Ворошилова** необходимо в заключение сказать, что тов. **Ворошилов**, как военный руководитель, как вождь Красной армии в организации красных отрядов, исходил из опыта рабочего вождя, из опыта партийного работника-ленинца, неуклонно проводя в жизнь ленинскую политику партии. Вот почему ему не только легко сравнительно давалась военная стратегия, но что основное, он сумел, применяя ленинскую стратегию, завладеть и крестьянскими массами, особенно в большом количестве бывшими, как в рядах 14-й армии, так

и особенно 1-й Конной армии, такими массами, которые не раз в определенные промежутки борьбы проявляли колебания, могущие перейти в прорыв красного фронта (восстание Думенко и т. д.).

Дальнейшая роль тов. **Ворошилова** как вождя Красной армии Советского Союза, особенно велика. Больше чем за 5-летнюю свою работу на посту **Наркомвоенмора** он провел громадную работу по дальнейшему укреплению боеспособности Красной армии.

Пожелаем дорогому другу Донецких рабочих тов. **Ворошилову** еще долгих-долгих годов жизни для успешного завершения постройки социализма в нашей стране.

Тов. Ворошилов на трибуне, в день награждения луганского пролетариата орденом Красного Знамени (1925 г.)

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Детские и юношеские годы.

Климент Ефремович Ворошилов родился 23 января 1881 года в селе Верхнем, Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии. Отец его—рабочий без точно определенной профессии. Он бывал и сторожем на железной дороге, и работником в помещичьих имениях, и рабочим на рудниках. Матери Ворошилова часто приходилось заниматься поденной работой.

Ворошилов—отец был человеком с независимым характером и довольно свободного образа мыслей. Поэтому ему приходилось часто менять места службы вследствие столкновений с хозяевами и администрацией. Нередко он оставался без всякой работы. Тогда вся семья оказывалась в отчаянном положении. Бывали периоди, когда маленькому Ворошилову с сестрой приходилось ходить „по миру"...

Семилетним мальчиком Ворошилов был уже „рабочим" выбирал колчадан в шахтах Голубовского. Платили за это 10 коп. в день. Десяти лет он вместе с отцем пас скот помещика-капиталиста Алчевского. В одну из очередных голодовок семьи (когда отец в поисках работы был в от'езде) Ворошилова взял к себе „в гости" дядя, брат отца, живший в деревне очень богато. Скоро маленький гость был обращен в батрака, и в течение года его подвергали самой дикой эксплоатации.

Через год—снова на рудниках, уже мальчиком в мастерских...

Рос Ворошилов неграмотным: поблизости не было школы. Лишь в 1893 г. в селе Васильевке, Славяносербского уезда, открылась земская школа, куда Клим Ворошилов и был принят. Здесь проучился он две зимы, и на этом учение окончилось.

За два года в школе сменилось трое учителей. Последний из них, С. М. Рыжков, оказался прекрасным учителем и человеком. Рыжков искренне полюбил способного юношу и Ворошилов стал в семье учителя своим и близким. С. М. Рыжков, впоследствии член 1-й Государственной Думы и второй Секретарь ее, был умным, честным, жизнерадостным человеком с высоко развитым общественным инстинктом. В Думе он входил во фракцию трудовиков.

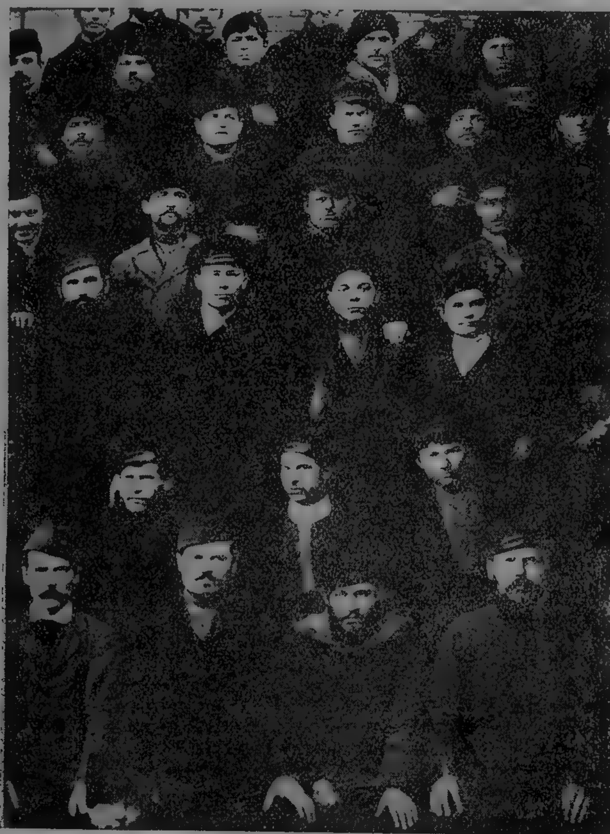
В значительной степени под влиянием и руководством Рыжкова, т. Ворошилов уже в 14-15-летнем возрасте стал усиленно читать. Любимыми писателями были—Толстой, Тургенев, Гоголь, Гончаров, Данилевский, Пушкин, Лермонтов, Алексей Толстой, Некрасов, Никитин, позже Горький, Чехов.

Читал запоем не только указанных писателей, но и все, что попадалось под руки. По вопросам естествознания также читал очень много. Наиболее сильное впечатление производили на него книжки Фламмариона и Элизе Реклю.

Ворошилов стал задумываться над вопросами религии и в 15 лет начал колебаться в религиозных вопросах, а в 16-летнем возрасте вытравил из себя остатки религиозных чувств.

С. М. Рыжков, всесторонне развитой, пятью годами старше его, своим авторитетом и пылким темпераментом увлекал юного Ворошилова, заставлял подвергать критическому анализу не только то, что приходилось читать, но и окружающую действительность.

Далее, под влиянием прочитанного и окружающей обстановки,— безмерной эксплоатации и издевательств на заводе,—Ворошилов стал заявлять резкие протесты на отдельные действия администрации мастерских завода. В этот период имел место один сам по себе мало значивший случай, который, однако, явился как бы решающим моментом в дальнейшем развитии деятельности Ворошилова.

Группа рабочих завода б. ДЮМО вместе с тов. Ворошиловым (1898 г.)

Последний работал на Юрьевском заводе (Дюмо), в 40 верстах от Луганска. На завод был назначен полицейским приставом некий Греков. Как-то раз группа юношей, в количестве 10-15 чел., в числе которых был Ворошилов, проходила мимо пристава. Все поздоровались с „начальством“, кроме Ворошилова. Поведение этого последнего привело пристава в бешенство. Он соскочил со скамьи, набросился на Ворошилова с кулаками, схватил его за рубаху и стал кричать на него. Ворошилов оказал энергичное „сопротивление“... Приятели Ворошилова разбежались. Пустился в бегство и присутствовавший при этом почмейстер, а Ворошилов, получив надлежащую порцию побоев от подоспевшего „подкрепления“ в лице городовых, был водворен в полицейский участок.

Это проявление заводского „бунтарства" сразу сделало юного рабочего человеком „неблагонадежным". За ним была установлена слежка.

В 1899 г. в чугунно-литейном цехе под руководством т. Ворошилова забастовали крановщики. Причиной забастовки была жестокая эксплоатация рабочих. Их заставляли в ужасающих условиях работать сверхурочно, за что платили жалкие гроши. Результатом забастовки было улучшение положения рабочих. Но с Ворошиловым было решено разделаться. Полиция произвела у него обыск и подвергла кратковременному аресту. С завода, понятно прогнали. Через некоторое время он был взят полицией под гласный надзор. В своих воспоминаниях об этом периоде т. Ворошилов рассказывает следующее:

«Целых три года пришлось скитаться без работы. Все сколько-нибудь крупные заводы, рудники, мастерские, куда приходилось обращаться с просьбой о работе, отказывали мне под предлогом неимения работы. Но часто на ушко сообщали о боязни полиции».

«В Таганроге, уже в 1901 г., я поступил на котельный завод Нельфиль и К°. Проработав три дня, я был уволен с завода вследствие вмешательства полиции. Мастер-бельгиец—по фамилии, которую почему-то запомнил до сих пор, Стог, на ломанном русском языке, когда я остался с ним наедине, выдавая мне записку и заработанные гроши, сказал: «Не карошо русский правительств поступает с рабочих, не давай возможность им защищать самих себе». На прощанье Стог пожал мне руку и посоветовал устроиться где-нибудь так, чтобы полиция не знала, где я работаю».

«После этого мне удалось поступить на антрацитные копи конторщиком. Но через два месяца полиция обнаружила меня и потребовала немедленного увольнения. Как и на заводе в Таганроге, и здесь инженер Фрезе, расставаясь, желал всяческого успеха и выражал сожаление, что не имеет возможности дальше держать меня на руднике. В это время я получил обещание быть принятым не то личным секретарем, не то лакеем к одному инженеру на ст. Алмазово, но инженер, прежде чем принять меня к себе, навел обо мне справки и когда я явился, то заявил, что «по независящим от него причинам» принять меня не может».

«В конце 1902 или в начале 1903 г. по протекции моего друга С. М. Рыжкова, ставшего заведующим заводского училища завода Гартмана мне удается поступить на этот завод. Но через три месяца полиция с большой помпой уволила меня с напутствием немедленно покинуть Луганск».

«Весь этот период я не прерывал сношений с целым рядом отдельных товарищей и с небольшими группами. Эти лица и группы, не будучи связаны ни с какой партией, представляли из себя уже подготовленный революционный материал. На заводе Дюмо, на рудниках Лозовки, Павловки, Жиловки и в Луганске у меня имелись прочные связи с такими группами и отдельными товарищами».

«Во время мытарств в этот период за мной буквально по пятам бродили специально преставленные шпики, при чем надо отдать им справедливость, эти шпики не были похожи на тех, с которыми мне, как партийному работнику, пришлось позже познакомиться. Эти господа, получив инструкцию от своего начальства, выполняли ее не за страх, а за совесть. Я в любой момент чувствовал, что комната, в ко-

К. Е. Ворошилов в 1902 году.

торой я сижу, оберегается моими телохранителями и что дорога по которой я иду, изучена этими суб'ектами. Однажды засидевшись, у одного товарища до поздней ночи, я вышел и, как всегда, увидел в тени забора двух огромного роста шпиков, которые выскочили из под забора, стали поджидать моего подхода. Поровнявшись с ними, я не успел сделать и одного шага, как получил сильный удар по голове палкой. Я свалился в канаву, прикрыв голову руками. Удары сыпались на меня градом. Шпиков разогнала проходившая мимо группа молодежи. Мне пришлось пролежать несколько дней в постели.

«Официально в партию я вступил в конце 1903 г. в Луганске. Организация в это время носила характер еще не определившийся, в смысле фракционности, и только к лету 1904 г., с приездом новых товарищей (прежде всего т. Лугановского), наша луганская организация определяется, как большевитская. В 1904 г. я был введен в Луганский Комитет и оставался в последнем вплоть до 1907 г., когда был выслан в Архангельскую губернию на 3 года».

Революция 1905 года.

В революции 1905 г. молодой Ворошилов выступает уже в качестве подлинного рабочего вождя. Он руководит работой партийной, профессиональной, боевой. Он организует стачки, создает боевые отряды, приобретает оружие.

В феврале 1905 г. под руководством Луганского Комитета партии происходит забастовка на гартмановском заводе. Ворошилов избирается председателем собрания рабочих делегатов, избранных для выработки требований к администрации завода.

Забастовка оканчивается успешно для рабочих. В числе других завоеваний—признание так называемого Депутатского собрания представителей цехов и мастерских. Председателем этого постоянного учреждения—фактически Совета Рабочих Депутатов—избирается тов. Ворошилов.

В июле Депутатское собрание вместе с Луганским Комитетом партии организовало вторую забастовку на заводе Гартмана. Забастовка окончилась разгромом рабочих. Тов. Ворошилов в своих воспоминаниях о второй забастовке и ее последствиях рассказывает следующее:

«В момент общего собрания, на котором рабочие собирались обсудить требования к администрации, внезапно как из-под земли выросла заводская полиция в количестве около 50-60 чел. и, открыв стрельбу по огромной толпе рабочих, вызвала своими действиями страшную панику, сорвав не только собрание, но и забастовку».

«Поскольку натиск полиции был неожиданным, рабочие бросились врассыпную, при чем главная масса, ринулась к речке Луганке, окаймляющей территорию завода, и пустилась вплавь на другую сторону. Я находился впереди толпы и мне поэтому пришлось отступать последним. Когда я добежал до реки, мне стало совестно и за рабочих, и за себя, и остался на месте. Тогда раз'яренные полицейские, стрелявшие в упор, но к счастию не задевшие ни одного раза, подскочили ко мне с взведенными курками револьверов и потребовали следовать за ними. Я повиновался. Но подскочила еще группа полицейских, и меня начали бить смертным боем. Очнулся я как в полусне только в полицейском участке, находившемся здесь же, на территории завода. Спустя некоторое время, в участок привели еще одного товарища, члена партии, Саматина. Он тоже был весь в кровоподтеках и синяках. Но полицейские не удовольствовались избиением нас во время ареста. Они непрерывно, до поздней ночи, приходили в нашу камеру по очереди и избивали нас не только кулаками, но и швабрами, метлами, всем, что попадалось им под руку».

«В полицейском участке было неспокойно. Чувствовалось, что полиция ожидает нападения со стороны рабочих. Ожидали этого нападения и мы, признаться, сильно его боялись, ибо в случае нападения рабочих на участок полицейские могли прикончить нас».

«Около 12 часов ночи мы услышали громкий приказ пристава: подать веревки. Сперва мелькнула мысль, что нас будут вешать, но затем поняли, что этого полицейские—не посмеют сделать. Однако, когда в камеру вошли полтора десятка дюжих городовых с двумя пуками веревок в палец толщиной, я почувствовал себя не совсем приятно, и, взглянув на своего друга, заметил на его обезображенной побоями физиономии страшную бледность. Нам приказали встать, но так как подняться с лавок мы не могли, то нас быстро поставили, подталкивая под подбородки, под бока, и начали привязывать друг к другу. Известное „удобство“ этого положения заключалось в том, что, опираясь друг на друга, мы стояли устойчивее. Затем нас опоясали крепко веревками, а концы в несколько саженей в одну и другую сторону остались в руках городовых»,

«После того, как эта операция была проделана, нам приказали двигаться. С трудом, еле переступая ногами, мы вышли из полицейского управления, у которого нас обступила огромная толпа полицейских, окруженных, в свою очередь, казаками. Перед отправкой пристав, поднявшись на крылечко и обращаясь к полицейским—и казакам, про-

изнес примерно такую речь: „Вы ведете врагов отечества и злейших преступников против существующего строя. Имейте в виду, что на вас, может быть, будет произведено нападение, будьте бдительны и при малейшем вмешательстве толпы убейте этих молодцов".

„Мы двинулись в дорогу. Цель нашего путешествия нам не была известна. Каждую минуту мы ожидали смерти. Повели нас темными переулками, прилегающими непосредственно к территории завода. У одного домика шествие остановилось, и мы заметили, что домик ярко освещен огнями и окружен не менее густой цепью „архангелов", чем наше. Около часа простояли мы на одном месте. Ноги ныли, глаза, заплывшие от побоев, плохо видели. Нельзя было присесть, тем паче обратиться с каким либо заявлением; кулаки, грубые окрики и сквернословие давали чувствовать каждую секунду, в каком положении мы находимся. Наконец, из дома вывалила толпа полицейских, впереди которых шел член нашей партии т. Вольф. Вольфа поставили рядом с нами, но его не связали и даже не били. Мы двинулись дальше. Так мы проходили несколько часов, забирая по пути наиболее видных, наиболее проявивших себя в последней забастовке рабочих. В уездное полицейское управление нас привели уже на рассвете, и оттуда, записав фамилии, проделав короткую формальность, нас немедленно отправили в тюрьму".

В тюрьме тов. Ворошилов просидел до декабря. На основании манифеста 17 декабря его не освободили,—решено было держать его в заключении до суда. Но восстала Москва, восстал Ростов, поднялась в самом Донбассе Горловка. Готовился к бою рабочий Луганск. Под его решительным воздействием Ворошилов получил свободу. В № 4 (1923) журнал „Летопись революции"—органе украинского Истпарта—в статье т. Гамбарова мы находим сообщение о том, что в народной аудитории, на собрании, созванном кадетами, в присутствии исправника, „рабочие категорически потребовали немедленного освобождения томившихся до сих пор в тюрьме за июльскую забастовку тт. Ворошилова, Бондарева, Чипкина и других. Настроение и общий под'ем рабочих был такой, что исправник, боясь осложнений, тут же отдал приказ об освобождении из тюрьмы лидеров социал-демократического движения в Луганске. Немедленно освобожденные, тт. Ворошилов и Бондарев были сейчас же доставлены из тюрьмы в здание народной аудитории, где при бурных рукоплесканиях и восторженной овации были встречены рабочими. Произнесенные ими тут же на митинге революционные речи сразу наэлектризовали атмосферу и определили дальнейшее направление рабочей мысли".

На короткое время работа развернулась во-всю. Фактическими хозяевами стали рабочие. Но вот Московское восстание потерпело поражение, разбиты все местные восстания, и в Луганске об'явлено военное положение. Революционерам снова приходится уйти с легальной арены.

Ворошилову и Я. Моргенштейну—одному из основателей Луганской организации—поручено отправиться в Горловку, где только, что разгромлено вооруженное восстание, чтобы освободить из тюрьмы руководителя восстания Кузнецова. Об этой интереснейшей попытке устройства побега т. Ворошилов в своих воспоминаниях говорит следующее:

„С нелегальными паспортами двинулись мы с Я. Моргенштейном в Горловку. На месте узнали, что все арестованные участники и руко-

водители восстания уже увезены в Харьковскую и Екатеринославскую тюрьмы и только один Кузнецов, будучи тяжело ранен во время боев, находится в Горловской больнице. Я быстро розыскал старых знакомых рабочих, через них связался с уцелевшими партийцами, и мы вместе обсудили вопрос о возможности освобождения т. Кузнецова. Кузнецов в больнице охранялся взводом солдат. Выкрасть Кузнецова можно было только либо перейдя через трупы этих солдат, либо посредством подкупа. Оба средства были непригодными; но Кузнецова могли каждую минуту увезти в губернскую тюрьму. Каждый миг был дорог, и мы наметили такой план: через сестру милосердия мы узнали, что солдаты охотно принимают „дары" и могут от нее принять выпивку; после этого хорошо знакомые доктор и аптекарь достали нам необходимое снотворное средство и смешали его с водкой,—оставалось только угостить стражу и затем действовать».

„Но у нас не было необходимых перевозочных средств. Через местных товарищей я получил связь к одному из владельцев завода сельскохозяйственных машин, некоему Брунсту, завод которого находился в расстоянии 30-35 верст от Горловки. Брунст был один из тех либералов, которые искренно помогали революционному движению и приносили не малую пользу, особенно там, где революция была перемешана с романтикой, но они обычно выступали только в том случае, если не рисковали собственной шкурой. Выслушав сообщение о цели моего приезда, Брунст, не задумываясь, снабдил меня двумя прекрасными лошадьми, необходимым количеством теплых шуб и одеял, дал какую-то сумму денег и разрешил на несколько дней спрятать у себя Кузнецова».

„Уже на следующий день лошади с совершенно надежным человеком и всем необходимым стояли в условленном месте, ожидая Кузнецова. Пока я ездил к Брунсту, Я. Моргенштейн уладил дело в отношении воинской охраны больницы, устроив пробное угощение водкой. Теперь оставалось только дать настоящее угощение—усыпить стражу и часам к двум ночи увезти Кузнецова.

„Все шло как по писанному; солдаты угостились и к определенному часу все лежали пьяные в лоск. В больницу отправился я один. Для того, чтобы замести следы, вся больничная прислуга была заблаговременно удалена, за исключением необходимых дежурных, из которых одни притворялися спящими, другие же спали, угостившись вместе с солдатами. Около половины второго ночи я зашел в палату Кузнецова. Последний при моем появлении как-то растерялся, хотя ранее сам торопил с освобождением его, настаивая на этом в записках из тюрьмы. Первым его вопросом было: что с олдаты? солдаты могут умереть!»

„Я не мог разговаривать на эту тему и предложил Кузнецову поскорее одеться и итти. Но Кузнецов тянул, заявив, что у него сильное головокружение от большой потери крови, что ампутированная правая рука его страшно болит, что он не надеется на благополучный исход побега, что он не знает, куда его везут, и т. п. Я начал с еще большей настойчивостью убеждать его в необходимости бросить всякие рассуждения и итти со мной. Он спросил: как далеко? Лошади находились на расстоянии версты от больницы. Узнав об этом, Кузнецов еще больше заколебался, а затем наотрез отказался следовать за мной. На мои уверения, что по дороге к лошадям расставлены товарищи, которые на руках его донесут, он упорно и недоверчиво качал головой»

„Приближалось время смены караула и я начал просить Кузнецова написать записку, что он категорически отказывается итти со мной. Но Кузнецов не мог этого сделать, будучи слишком взволнован, кроме того, поблизости не оказалось письменных принадлежностей; мы пожали друг другу руки и расстались. Я и до настоящего времени не могу понять той сложной работы мысли, тех чувств, которые охватили в тот момент истинного героя и вождя рабочего класса. Тов. Кузнецов впоследствии бежал из тюрьмы, затем снова был арестован и в 1909 г. вместе с другими деятелями Горловского и других восстаний был повешен в Екатеринославской тюрьме".

После неудачи с Кузнецовым, Ворошилов возвращается в Луганск и здесь ведет нелегальную работу. Но к весне 1906 г. нажим реакции ослабевает, революционное движение снова усиливается. Депутатское собрание рабочих работает полным ходом. Внутренняя „конституция" завода, вопросы зарплаты, вопросы производства, оборудования, переустройства, даже технические вопросы входили в круг ведения Депутатского собрания. Фактически это был орган не только рабочего контроля, но и рабочего управления заводом.

Но этого мало. Депутатское собрание не ограничивалось рамками завода. Фактически оно постепенно превратилось в орган общегражданского управления. Авторитет этого рабочего органа вырос до таких размеров, что не было ни одного сколько нибудь заметного вопроса в городе или его районе, который не подлежал бы обсуждению депутатского собрания. Судебные и другие правительственные инстанции почти прекратили свою работу, т. к. все вопросы, разрешавшиеся ранее по различным камерам, перешли в ведение Депутатского собрания.

Перед нами замечательный прообраз советской власти, никем не изученный, даже мало кем замеченный. Рабочая диктатура фактически сломала рамки царистской законности и на ее месте фактически установила революционную власть. Правда, это была не признанная власть, полиция, жандармы оставались на своих местах, но одно уже фактическое двоевластие является признанием великой мощи пролетариата.

И во главе этой кратковременной, вполне реальной власти стоял рабочий-большевик Ворошилов.

Но вернемся несколько назад. В феврале 1906 г. т. Ворошилов был делегирован Луганской организацией на Стокгольмский с'езд партии. Первая встреча с партийными вождями, встреча, прежде всего, с Лениным.

Со с'езда он возвращается в мае. Работа кипит во-всю. Кроме партийной организации и Депутатского собрания Ворошилову приходится руководить профессиональним союзом, впервые получившем право на легальное существование.

Но за текущей роботой им не забыта основная политическая задача рабочеьо класса—свержение царизма. Луганские передовые пролетарии готовятся к вооруженой борьбе. Соргонизованы боевые дружины, оборудована лаборатория для изготовления бомб, практически поставлен вопрос о приобретении оружия.

Во главе всего предприятия и в данном случае стоит Ворошилов. В уже цитированной статье тов. Гамбарова по этому поводу читаем:

«В систему организации боевой дружины было положено подчинение одного боевого десятка сотенному начальнику, руководившему це-

лым десятком подобных боевых единиц. На собранные среди рабочих деньги, по поручению организации тов. Ворошиловым было приобретено около 20 револьверов системы «Смит Виссон», большого калибра, которые и были розданы отдельным, вполне надежным дружинникам. Но так как охотников становилось с каждым днем все больше и больше, то возникал вопрос об увеличении количества оружия, для чего был произведен вторичный сбор среди рабочих. Но так как средствами одних рабочих нельзя было создать мощного вооружения, то решено было обратиться к местной либеральной буржуазии, которая довольно охотно решила помочь рабочим. На собранные таким путем деньги решено было закупить достаточную партию оружия, чтобы снабдить им всех имеющихся в распоряжении организации дружинников. С этой целью организацией был командирован тов. Ворошилов в Финляндию, где благодаря имеющимся у него связям удалось закупить и благополучно доставить в Луганск 60 браунингов, 20 наганов и 400 пачек патронов, привезенных в изящных дамских коробках. (см. «Летопись революции», № 4, 1923 г., стр. 71).

Тов. Ворошилов в 1906 году.

Годы реакции

Однако применить оружие луганьским пролетариям в этот период не пришлось. Рабочее движение было загнано в подполье. Революция находилась на ущербе.

В мае 1907 г. тов. Ворошилов—делегат Лондонского с'езда партии. В июле—делегат южно-русской партийной конференции. Вскоре он подвергается аресту и в октябре высылается в Архангельскую губ. сроком на 3 года. Через несколько месяцев он бежит из ссылки в Ба-

ку. Здесь он был введен в Бакинский комитет и являлся организатором Биби-Эйбатского района. Состоял также секретарем Биби-Эйбатского отделения союза нефтепромышленных рабочих. Бакинский комитет и вся организация в это время вели огромную работу по подготовке колективного договора рабочих с нефтепромышленниками. В отличие от всей остальной России, Баку представлял собой яркий революционный остров. Фактически все политические партии действовали свободно. Политическая жизнь била ключем. Профессиональные союзы руководимые партийными лидерами, работали интенсивно. На совещаниях с нефтепромышленниками, в присутствии крупнейших чиновников царского наместника, выступали с политическами декларациями виднейшие представители большевиков, меньшевиков, эсеров, дашнаков. Относительной свободой пользовалась и рабочая профессиональная печать.

Тов. Ворошилов в 1907 году.

Большевитской работой в Баку в тот период руководили т.т. Сталин, Шаумян А., Джепаридзе, С. Спандарьян и др,

Осенью 1908 г. Ворошилов уже в Питере. Здесь он скоро попадает в «Кресты», а оттуда снова в Архангельскую губернию.

В январе 1910 г. в Холмогорах он организует политических ссыльных, за что попадает в Архангельскую тюрьму на 11 месяцев. В этой тюрьме т. Ворошилов дважды об'являет голодовку, длившуюся пять, восемь дней. По выходе из Архангельской тюрьмы, он получает еще год ссылки, которую пришлось ему отбывать до конца в Мезенском уезде.

Освободившись от ссылки в конце 1912 года, т. Ворошилов возвращается в родной Донбасс и здесь поступает на службу в кооператив рабочих завода ДЮМО. Снова партийная работа и в октябре новый арест. В декабре ему удается освободиться, но не надолго. В январе 1913 года, его снова арестовывают и после трехмесячного заключения высылают в Чердынский край на два года. Освобождается

он из ссылки в марте 1914 года и возвращается в Донбасс. Здесь полиция не оставляет его ни на минуту, преследуя обысками и угрозами. Пришлось перебраться в Царицын.

Война застала т. Ворошилова рабочим царицынского пушечного завода. Как он отнесся к войне? В его воспоминаниях мы читаем:

«С момента об'явления войны не только я, но и та группа социал-демократов большевиков, которую удалось сколотить, собрать воедино, как один человек была враждебно настроена против начавшийся бойни. Между прочим, из-за отношения к войне я окончательно порвал с моим старейшим другом и учителем Рыжковым. Я мог все извинить моему старому учителю, революционные пути с которым у нас были различные, но однажды мы от разговора о войне перешли в рукопашную, т. е. он на меня набросился, как на врага родины, и с тех пор я с болью вырвал из моего сердца этого человека».

Вскоре на царицынскую группу большевиков обрушиваются полицейские репрессии. В мае 1915 года т. Ворошилов приезжает в Петербург, где поступает на маленький завод Сургайло. В течении 1916 г. он устанавливает связь с питерскими большевиками. Снова обыск и слежка шпиков. Но революция уже стучится в дверь.

Февраль и Октябрь

Первые недели революции тов. Ворошилов работает в Питерском совете в качестве члена бюро фракции большевиков. В конце марта он уже в Луганске, где со всей энергией бросается в политический бой против блока меньшевиков и эсеров.

Борьба была тажелая. Меньшевики и эсеры сумели укрепиться в главнейших рабочих организациях. Они руководили и советом. Некоторое представление о роли Ворошилова (и его старого друга Лутовинова) в борьбе с эсеро-меньшивистским блоком дает тов. С. Погребной в статье „Луганск и его пролетариат", помещенной в журнале «Летопись Революции». Тов. Погребной пишет:

„Шла ожесточенная борьба не только на трибуне Луганского совета, но и на заводах у станков и верстаков; на всех улицах, перекрестках, всюду большевики вели агитацию и разоблачали временное правительство и коалицию.

Приезд бывших луганских рабочих, большевиков Клима Ворошилова и Юрия Лутовинова, сразу произвел в настроении Луганского совета перелом. Ворошилов, как старый вождь донецких рабочих, вышедших из их семьи, еще с 1903 года пользовавшийся у них колоссальной популярностью и авторитетом, сразу стал у кормила власти—на посту председателя Луганского совета. Тов. Лутовинов, также питомец луганской рабочей семьи, занял место представителя в совете и члена заводского комитета патронного завода.

Под влиянием т.т. Ворошилова и Лутовинова на заводах рабочие стали выносить недоверие так называемому «социалистическому» коалиционному правительству, возглавлявшемуся Керенским и Церетели.

Проходили выборы в городскую думу. Все партии повели усиленную агитацию против большевиков, называя их провокаторами и обвиняя в разложении армии и июльском восстании.

Несмотря на гнусную кампанию клеветы, большевики одержали победу, и в Луганскую городскую думу прошло 28 наших товарищей, а председателем ее стал тов. Ворошилов (см. „Летопись Революции", № 4, 1924 г., стр. 54).

Городскую думу большевики захватили в августе. Несколько дней дней спустя меньшевики изгоняются из совета—его председателем избирается Ворошилов.

К этому моменту относится наиболее напряженное положение в этой части Донбасса. Широкой волной разлившийся украинский шовинизм, а также наметившаяся казачья контр-революция заставляют луганскую партийную организацию быть на стороже. Особенно нужно было оберегать луганский патронный завод, уже тогда служивший соблазном для «щирых» украинцев и калединцев.

Наступают октябрьские дни. В Луганске власть в руках совета, но ее нужно удержать от напора белой казацкой и желтой украинской контр-революции.

В ноябре тов. Ворошилов, в качестве члена учредительного собрания от Екатеринославской губернии, отправляется в Петроград. Здесь Петроградский совет назначает его комисаром города Петрограда (по градоначальству) и тогда же он вместе с другими товарищами помогает т. Дзержинскому организовать ВЧК.

В течении 3—4 месяцев т. Ворошилов в должности комиссара ведет усиленную работу по восстановлению порядка в Петрограде, принимая вместе с тем непрерывное участие во всех работах ВЧК,

Гражданская война

Брестский мир подписан. Начинается гражданская война. На короткое время Ворошилов—хозяйственник: в марте на конференции советов народного хозяйства в Харькове, его избирают членом президиума Украинского Совета Народного Хозяйства. Но неделю спустя он из луганских рабочих организует 1-й луганский социалистический партизанский отряд. Его ближайший помощник по организации отряда—рабочий Пархоменко, будущий начальник 14-й дивизии 1-й конной, в начале 1921 г., павший в бою с Махно.

Одновременно рабочими завода Гартмана оборудованы два бронепоезда с пулеметами и орудийными установками.

Снабдив отряд всем необходимым, Ворошилов двинулся в Харьков. По дороге на Харьков, на одной из станций, уголовный элемент, затесавшийся в отряд, поднял бучу, и ему лично на глазах у всего отряда пришлось разоружить 10 бандитов, приказать другому десятку рабочих окружить их и вести в Луганск для общего рабочего суда.

В начале марта Ворошилов со своим отрядом двинулся прямо на фронт против немцев. Немцы, к этому времени занявшие уже Конотоп, стремились продвинуться дальше. Наши отряды, в конец разложенные, везшие с собой десятки эшелонов, груженых всяким добром, катились к Харькову, не оказывая никакого сопротивления походным порядком шедшему противнику. Отряд луганских рабочих и еще какой-то небольшой отряд матросов встретили немецкие войска у ст, Дубовязка. Бронепоезд противника и бронепоезд луганского отряда, на котором нахо-

дился Ворошилов вместе с И. И. Межлауком, вплотную сошлись и начали в упор орудийную стрельбу. Несмотря на меткую стрельбу. немцев и неумелую с нашей стороны, рабочие, рассыпанные в цепь, заставили броневик быстро отойти.

Однако конечный исход борьбы предвидеть было не трудно: немцы одержали победу. Ряды наших отрядов сильно расстроились. Вот впечатления участника операции т. Межлаука:

«Немецкие снаряды вывели из строя наше орудие и завалили площадку убитыми и ранеными товарищами. Был момент, когда я был уверен, что Ворошилова нет уже в живых. Как раз между нами разорвался снаряд, плеснув в лицо кровью и мозгами. Я протер глаза: Ворошилов остался невредим, снаряд оторвал голову нашему бесстрашному пулеметчику, тов. Лутуну».

«Потеряв половину команды, мы начали отходить к раз'езду. Началась паника. Немцы зажгли вагоны со снарядами, прицепленые к броневику. В довершение беды, наши отступающие бронопоезда наскочили друг на друга и потерпели крушение. Пожар и взрыв дополнили картину нашего поражения».

«Но в этом поражении уже явственно сказалась несравненная доблестность луганских рабочих и их славного вождя—залог наших грядущих побед. После минутного замешательства луганцы быстро оправились. Кругом все бежало без оглядки до самой Ворожбы, не слушая никаких приказов. Какой-то подпрапорщик, которому перед боем партизаны вручили верховное командование, после тщетных попыток остановить убегавших, сел на землю и истерически зарыдал. Тогда Ворошилов принял командование. И луганцы не бежали». (См. «Летопись Революции», № 1, 1922 г., стр. 125).

В течение месяца отряд находился в непосредственных стычках и боях с много раз превосходящими силами противника. Немцы подходят к Харькову, отряд т. Ворошилова получает задание защищать станцию Основу (харьковское предместье). Харьков оставлен. Тов. Ворошилов, отбивая отрядом наседавшего противника, не успевает погрузить отряд в вагоны и, будучи окружен со всех сторон, с трудом пробивается по направлению гор. Чугуева. Под прикрытием темной ночи, а днем—оврагов, ему удается вывести свой отряд невредимым, пройдя больше 200 верст походным порядком.

15 апреля тов. Ворошилов назначается командующим V украинской армией. С групой отрядов он снова из Луганска двигается по направлению к Купянску и вступает в соприкосновение с немецкими войсками. Снова тяжелые бои и отступления.

Ворошилов отходил под напором немецких войск с Украины на Волгу—к Царицыну. На станции Лихая произошло большое сражение. Наши отряды в панике бежали в направлении на Белую Калитву, но встретили пули восставших против Советской власти казаков. Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей, тысячи вагонов со скарбом рабочих, с их семьями, их нужно было провести через бушевавший казачий Дон.

Окруженные кольцом казачьей контр-революции и преследуемые немецкими войсками, украинские красные отряды, с огромным количеством эшелонов, в течение 3 месяцев продвигались от Луганска до Царицына. Этот беспримерный поход не нашел еще своего историка... Для достижения намеченной цели—линии Волги—нужна была железная дисциплина, теснейшая спайка. Иначе—гибель всем.

Нечеловеческими усилиями, бессонными ночами и постоянным личным примером Ворошилову удается создать жесткую дисциплину в рядах отрядов. Поэтому стало возможно отбиться от наседавших немцев, давать отпор на каждом шагу нападавшим казачьим отрядам, восстанавливать железнодорожное полотно, снесенное и сожженное на десятки верст, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины.

Наконец, «группа войск Ворошилова» пробилась к Царицыну и соединилась с советскими войсками, действовавшими по обороне Царицына. Т. Ворошилов назначается командующим десятой армией. Вместе с членами Реввоенсовета этой армии, т.т. Сталиным и Мининым, Климентий Ефремович организует оборону Царицына. Жесточайшие атаки осени и начала зимы 1918 г., успешно отбиваются войсками десятой армии.

В ноябре 1918 года Ворошилов назначается членом рабоче-крестьянского правительства Украины, а в феврале 1919 г. избирается комиссаром внутренних дел Украины.

В апреле того же года он избирается в ЦК КП(б)У, а в мае назначается командующим войсками Харьковского военного округа. Тогда же он с горсточкой бойцов с изумительной энергией ликвидирует банды атамана Григорьева на Украине.

В июне 1919 года Ворошилов—командарм 14, в июле — командующий войсками внутреннего украинского фронта, член совета рабоче-крестьянской обороны и член политбюро ЦК КП(б) Украины.

В конце 1919 года (ноябрь) тов. Ворошилов назначается членом РВС I-й конной Армии. Ворошилов принимает участие в кампании на Деникинском, Польском и Врангелевском фронтах. На Врангелевском фронте, в восточной Таврии, в боях с противником у села Отрады Ворошилов чуть не погибает в конном столкновении.

В истории строительства Красной армии с именем Ворошилова непосредственно связана организапия красной конницы. Роль Ворошилова в деле создания I-й конной армии—исключительна. Он не только был политическим руководителем I-й конной армии, которой командовал тов. Буденный, но и играл крупнейшую роль при разрешении организационных и оперативных вопросов. Всегда на передовом посту он часто принимал на себя прямые командные функции (например: в июле 1920 г., когда он командовал групоы в составе IV-й и XIV-й кавалерийских дивизий, препятствовавших отходу поляков). Конная армия была крестьянской армией с чрезвычайно разнородным составом и очень незначительной рабочой прослойкой. Этот социальный состав не мог не создавать политической неустойчивости, постоянных колебаний, переходивших не раз в мучительные судороги (измена Думенко, бандитизм при переходе с польского на Врангелевский фронт и т. д.). Проблема руководства такой армией представляла из себя величайшую трудность. Она была блестяще разрешена Ворошиловым, показавшим своей работой в конной армии, как может и должен пролетариат руководить промежуточными слоями, как может и должен он использовать их в своей борьбе с буржуазией.

В 1921 году на X-м с'езде партии тов. Ворошилов избирается в Центральный Комитет партии большевиков и состоит бессменным членом до настоящего времени, а с января 1926 г. членом Политбюро ЦК ВКП(б). В мае 1924 г. Ворошилов занимает пост командующего войсками Московского военного округа и назначается членом РВС СССР,

а после смерти М. В. Фрунзе, 6-го ноября 1925 г.,—народным комиссаром по военным и морским делам и председателем РВС СССР. За боевые заслуги Ворошилов награжден 4-мя орденами «Красного Знамени» и высшей боевой наградой—почетным революционным оружием.

Ворошилов не получил систематической военной подготовки. Впервые с военным делом он познакомился в ожесточенной революционной борьбе того класса, из недр которого он вышел. Гражданская война была для него единственной практической школой. Лишь по окончании военной страды, он получил возможность ознакомиться с теорией военного дела. Все это наложило особый отпечаток на работу Ворошилова и сделало его одной из наиболее характерных, ярких и оригинальных фигур среди военных вождей и полководцев Октябрьской Революции. Выйдя на фронт, во главе партизанского отряда, Ворошилов сразу-же выделился на общем фоне, как крупнейший военный организатор. Человек выдающейся храбрости, исключительной энергии, быстро ориентирующийся в обстановке, твердый в своих решениях и готовый неукоснительно проводить их в жизнь, Ворошилов в то же время обладал громадным опытом революционера-подпольщика, уже не раз принимавшего руководящее участие в массовых движениях пролетариата. Именно этот опыт рабочего вождя облегчил ему руководство революционными частями в чрезвычайно запутанной и трудной обстановке гражданской войны. Быстро приобретая необходимые технические навыки для управления войсками, Ворошилов с уверенностью и успехами применял их при командовании армией под Царицыным, где операции впервые для него получили широкий размах.

В годы мирного строительства Ворошилов, вместе с Фрунзе, был решительным сторонником перехода к территориально-милиционной системе. Став во главе Красной армии, Ворошилов особое внимание уделяет вопросам военной техники и подготовке страны к обороне (мобилизация промышленности, сельського хозяйства, транспорта и т. д.). Как политический деятель и один из руководящих работников ВКП(б) Ворошилов принадлежит к группе пролетарских лидеров, выдвинутых из низов рабочим классом, прошедший суровую школу борьбы с царским самодержавием и закаленный в непрерывных боях под руководством Ленина с оппортунистами всех мастей. Высоко развитое классовое чутье, глубокая принципиальность, подлинный демократизм —вот основные черты его политического профиля.

В лице Ворошилова мы имеем подлинного солдата большевизма потому, что в нем, как и четверть века тому назад, действует полностью луганская заводская пролетарская зарядка.

(Литература: Вардин И. „Ворошилов. Рабочий вождь Красной армии" — М-Л., 1926; Леонидов О. (под ред. С. Н. Орловского), „К. Е. Ворошилов, жизнь и боевая работа" М-Л, 1925; Погребной С. „Луганск и его пролетариат" ст. журн. „Летопись Революции" № 4, г. Харьков, 1924 г.).

ИЗ ИСТОРИИ
луганской парторганизации 1900-1918 г.г.

А. И. ГЛЯДКОВСКАЯ.

Введение

Пестрый социальный и национальный состав рабочего класса России определил то обстоятельство, что различные отряды пролетариата по своему составу и политической подготовке неодинаково и неодновременно вовлеклись в революционное движение. Одна за другой группы рабочего класса вступали с протестом и втягивались в борьбу.

70-80 годы характеризуются активной борьбой текстильщиков. Начиная с конца 90 годов, в качестве главной революционной силы выступают металлисты, за ними вовлекаются в революционную борьбу рабочие новых промышленных центров: Украины, Кавказа, Донбасса.

Донбасс только к концу 19 столетия вырос в первостепенный промышленный район. 120.000 пролетариев, занятых по углю и металлу, не считая железнодорожников и рабочих других производств, дают к началу 20 века 53% всей общероссийской выработки чугуна и 68% всей добычи угля. К этому времени Донбасс обгоняет Урал по чугуну почти вдвое. Домбровский бассейн по углю почти втрое. В Донбассе выросли крупные металлургические и ряд крупнейших машинно-строительных заводов.

Сюда стекались массы пришлых рабочих, громадная масса шахтеров и подсобных рабочих рудников и заводов—в большинстве сезонники из далеких русских деревень—лишь медленно накоплявших боевую энергию, прорывавшуюся иногда стихийными вспышками против крепостнических условий труда. Но здесь был и кадр постоянных заводских рабочих, которые были более квалифицированны, сознательны, утратили связь с землей. Эти рабочие—металлисты представляли пролетарский актив Донбасса.

О различии этих двух отрядов, по степени их классовой солидарности и политической сознательности, отмечает не только современный историк марксист, но отмечали и административные и полицейские власти. Екатеринославский губернатор Келлер в своей „Записке по рабочему вопросу Екатеринославской губернии" на имя министра внутренних дел пишет: „Элемент горнорабочих представляется менее опасным, чем заводские и фабричные, в смысле склонности к беспорядкам и восприимчивости к разной пропаганде. С точки зрения интеллигентности, грамотности, он значительно ниже последних. Массовые движения в его среде происходят исключительно на почве несправедливых расчетов за труд или понижение заработной платы". В той же записке находим характеристику фабрично-заводских рабочих.

„Заводско-фабричные рабочие как в горных, так и в машинно-строительных заводах, отличаются от горно-рабочих тем, что они в большинстве окончательно порвали с земледелием. Специализовавшись на своем деле, приобрев известные привычки и некоторые потребности, ко-

торым условия земледельца удовлетворить не могут, они, даже в случае прекращения работ, не возвращаются в деревни, а остаются на местах в ожидании возобновления таковых. Если безработица затягивается,—они израсходовав все свои сбережения, начинают сильно бедствовать, и, будучи без занятий, часто предаются пьянству, разгулу, ложатся бременем на местную благотворительность, представляют удобную почву для пропагнды и готовый материал для организаций уличных демонстраций, буйств и производства разных безпорядков.“

В дальнейшем содержании „Записки“ находим указание на не менее характерные черты для отмеченной выше группы фабрично-заводских рабочих Донбасса.

„Нельзя не отметить одного, странного на первый взгляд факта, относящегося к рабочим этой категории: чем лучше общие условия промышленности, чем более рынок нуждается в известном продукте, а, следовательно, соответственные фабрики или заводы усиливают производства, тем рабочие беспорядки более возможны. Рабочие менее дорожат своими местами и не боятся быть расчитанными, зная, что их с удовольствием примут на какой нибудь однородный завод или фабрику‘ где имеется недостаток в рабочих. Наоборот, когда дела в застое и производства сокращаются, каждый рабочий боится подать повод к расчету и старается себя вести осторожнее“.

„Этот элемент, в общем более интеллигентный, и с точки зрения готовности к восприятию навеянных извне брожений, представляется более опасным. Есть некоторые промышленные заведения, состав рабочих которых уже зарекомендовал себя склонностью к протестам, забастовкам и проявляет постоянную готовность к участию в беспорядках (например, железнодорожные мастерские в Екатеринославе, Константиновские и Мариупольские заводы, вагонный завод Гартмана в Луганске, трубо-прокатный и штамповальный заводы в Екатеринославе)“.

„Разные протесты, неудовольствия и волнения среди этих рабочих зачастую основаны не только на неправильностях расчета или на изменении расценок, дурном обращении с ними и тому подобное, а зиждется на почве принципиальных вопросов: о 8-ми час. рабочем дне, о праве представительства рабочих при обсуждении таких или иных мероприятий правительства, праздновании 1-го мая и т. д., или же, под влиянием пропагандистов социалистического лагеря, задаются еще более широкими, отчасти отвлеченными задачами, касающимися политического строя России, общности интересов рабочего класса с интересами учащейся молодежи, необходимости принятия участия в противогосударственных демонстрациях и пр. Указываемое течение еще не захватило большинства рабочих этого типа, но не подлежит сомнению, что оно все больше и больше распространяется и что, именно, в этой среде пропаганда легко может находить адептов, несмотря на то, что материальное и юридическое положение их в общем совершенно удовлетворительно“.

Этот полицейский документ начало XX в. достаточно отчетливо дает указания на наличие в рядах Донбассовского пролетариата активных революционных кадров, на рост их политической сознательности, а конец „Записки“, с слезной просьбой министру усилить „охрану заводов и рудников, ввиду возможных беспорядков“, достаточно ярко говорит о о том, что стачечное движение в Донбассе в начале XX в. приняло внушительные размеры.

Промышленный кризис начала XX в. дал могучий толчок к пробуждению классового самосознания, к развитию экономической и полити-

ческой борьбы более широких масс, ускорил процесс проникновения с.-д. пропаганды в ряды рабочего класса.

Обще-российский кризис захватил и Донбасс. Промышленный кризис Донбасса начался стремительным падением цен на железо, чугун и уголь, превратившись в 1902 году в общий кризис товарных цен. Сокращение добычи угля и закрытие почти половины доменных печей вызывает массовый расчет рабочих, падение реальной зарплаты вследствие роста дороговизны и повышение норм расценки. В Луганске, например, за два года кризиса зарплата слесарей, вследствие понижения расценок, упала с 80-90 р. до 35-40 р. в месяц.

Кризис и безработица придушили стачечное движение в Донбассе, но создали благоприятную обстановку для социал-демократической пропаганды и организации с.-д. кружков и групп.

Но еще до начала 900 годов, на Донбассе велась с.-д. работа Донским и Екатеринославским Комитетами.

Стена оставшаяся от дома профессионального общества и правления судосберегательной кассы рабочих завода Гартмана, где был председателем правления 1-го созыва тов Ворошилов (1906 г.).

1900—1904 г. на Луганщине.

Член Донского Комитета РСДРП, возникшего летом 1898 года, Зеликман говорит, что Комитет ставил себе, „заманчивую задачу—обслужить многочисленные кадры работников шахт и металлургических заводов цепью растянувшихся между Ростовом и Луганском“. Члены Комитета об'ехали шахты и заводы от Луганска до Ростова, повидавшись всюду с товарищами, условившись о распространении листовок и литературы. „Всюду были группы товарищей, ведших строго законспированную пропагандистскую работу, приветствовавших наш почин снабжения их литературой и листками, обещавших нам поддержку материалом для листовок и даже регулярную денежную помощь, путем организации сборов среди сознательных товарищей“.

Зеликман недаром в своих воспоминаниях о работе Донского Комитета указывает на Луганск. Этот, сравнительно молодой город, с конца 90 годов начинает занимать одно из самых видных мест в Донбассе, как по своему экономическому значению (своей индустрией), так и по росту и развитию Луганского пролетариата. В 1896 году в Луганске был построен паровозо-строительный завод Гартмана, сделавшийся вскоре одним из самых значительных в своей области, имевшей к началу XX века несколько тысяч рабочих. С 1898 года начал работать Эмальзавод; в городе с 1895 года существовал патронный завод. Если к этому прибавить старые (с 70-х годов) луганские железно-дорожные мастерские и что в Луганске идет беспрерывный рост пролетариата, мы будем иметь некоторое представление о том городе, где к революции 1905 года была уже оформлена большевистская организация, где пролетариат имел уже классовые бои, где получил свою боевую большевистскую закалку Клим Ворошилов.

К началу 1900 годов в Луганске организуется с.-д. кружок, возникший с приездом туда в мае 1900 года из Екатеринослава Норинского, бывшего ссыльного, работавшего в Петербургском „Союзе Борьбы". Норинский поступил на завод Гартмана и немедленно начал подбирать кружок. В него вошли: рабочий завода кочегар Ткаченко, втянувший в кружок своего товарища Болдырева, затем Любовь Моргенштейн и ее брат Яков Моргенштейн. С приездом в Луганск В. А. Шелгунова, товарища Ленина по „Союзу Борьбы", кружок перешел от занятий изучения литературы к расширению связи на заводах и в городе.

Норинский пишет об этом периоде: „Жизнь наша сделалась весьма интересной. Горизонты наши час от часу расширялись. Молодежь наша рвалась в бой. Чувствовался недостаток литературы, брошюр, листков. Пришлось подумать о получении транспорта литературы. У нас установились связи через Ткаченко с его братом Романом и Федором Ткаченко (разметчик завода Гартмана и паровозных мастерских), а значит, с мастерскими. Болдырев расширил работу железно-дорожных мастерских, где он служил. Люба Моргенштейн через брата имела связь с городом[1]).

Шелгунов связался с Полтавой (откуда он и прибыл в Луганск), где тогда работал Мартов, для получения литературы и листовок. К маю 1901 года Гартмановский кружок уже имел десяток членов и устроил закрытую конспиративную маевку. В конце мая 1901 года Шелгунов и Норинский уехали в Екатеринослав, и кружок лишился опытных руководителей. Но деятельность его не прекращалась.

„Покидая Луганск, мы были уверены, что семя, брошенное нами, не останется бесплодным. И, действительно, оставленный нами кружок с Любой Моргенштейн и другими ее не зачах. Он успел себя зарекомендовать, проработав более полугода до своего провала", говорит Норинский.

После провала кружка, в конце 1901 года, его работу продолжали другие товарищи и Гартмановский кружок, интенсивно проработав весь 1902 год, к ноябрю оформился в Луганский Комитет РСДРП под руководством Екатеринославского комитета.

К 1898 году относится возникновение с.-д. кружка на Юрьевском заводе (ДЮМО), имевшего связь с луганским кружком.

Юрьевский кружок был организован тов. Галушко, поступившим в литейную мастерскую завода после Ростовской тюрьмы. Первым в Юрьевский кружик вступил тов. Ворошилов, тогда еще молодой 18-тилетний

---

[1]) История Екатеринославской с.-д. организации под редакцией Рубача.

юноша, работавший на заводе с 1897 года крановщиком, уже тогда обращавший на себя внимание своей грамотностью, и бросающейся в глаза дисциплинированностью.

Работа над собой,—Ворошилов запоем поглощал литературу сначала под руководством учителя С. М. Рыжкова,-окружающая обстановка эксплоатации, издевательства и нищеты определили все дальнейшее направление деятельности Ворошилова. Он сделался активнейшим членом Юрьевского с. д. кружка. После ухода Галушко Ворошилов занял руководящую роль в этом кружке. Под его руководством прошла в 1899 году забастовка цеха, в котором он работал. Было выставлено ряд экономических требований, частично получивших удовлетворение.

Но администрация и полиция расправились с наиболее активными товарищами и в первую голову, конечно, с Ворошиловым.

С этого момента для тов. Воророшилова началась обычная для профессионального революционера жизнь: „черный список", безработица, хвост шпиков, полицейский надзор и высылка.

В своих воспоминаниях тов. Ворошилов говорит: „Целых три года пришлось скитаться без работы. Все сколько-нибудь крупные заводы, рудники, мастерские, куда приходилось обращаться с просьбой о работе, отказывали мне под предлогом неимения работы. Но часто на ушко сообщали о боязни полиции". В Таганроге, уже в 1901 году, я поступил на котельный завод „Нельфиль" и Ко. Проработав три дня, я был уволен с завода вследствие вмешательства полиции". „После этого мне удалось поступить на антрацитные копи конторщиком. Но через два месяца полиция обнаружила меня и потребовала немедленного увольнения".

„В это время я получил обещание быть принятым не то личным секретарем, не то лакеем к одному инженеру на станции Алмазово, но инженер, прежде чем принять меня к себе, навел обо мне справки и, когда я явился, то заявил, что по „независящим от него причинам" принять меня не может".

„В конце 1902 г. или в начале 1903 года по протекции моего друга С. М. Рыжкова, ставшего заведующим заводского училища завода Гартмана, мне удалось поступить на этот завод. Но через три месяца полиция с большой помпой уволила меня с напутствием немедленно покинуть Луганск".

„Весь этот период я не прерывал сношений с целым рядом отдельных товарищей и с небольшими группами. Эти лица и группы, не будучи связаны ни с какой партией, представляли из себя уже подготовленный революционный материал. На заводе Дюмо, на рудниках Лозовки, Павловки, Жиловки и в Луганске у меня имелись прочные связи с тайными группами и отдельными товарищами".

„Во время мытарств в этот период за мной буквально по пятам бродили специально приставленные шпики, причем надо отдать им справедливость, эти шпики не были похожи на тех, с которыми мне, как партийному работнику, пришлось позже познакомиться. Эти господа, получив инструкции от своего начальства, выполняли ее не за страх, а за совесть. Я в любой момент чувствовал, что комната, в которой я сижу, оберегается моими телохранителями и что дорога, по которой я иду, изучена этими суб'ектами".

Этот период деятельности тов. Ворошилова заканчивается оффициальным вступлением его в конце 1903 года в партию, в Луганске.

Эти годы скитаний и трудностей были началом той долгой и большой школы обучения, которая выработала из тов. Ворошилова выдержанного, испытанного пролетарского вождя.

Уже начало этой школы укрепило энергию молодого революционера, с нею он и пришел в луганскую организацию, в истории которой он проявил себя как организатор и руководитель. Во главе луганского пролетариата Ворошилов действовал в революцию 1905 года, вместе с луганским пролетариатом он готовился к октябрьским боям. Здесь он сделал свои первые шаги, как организатор Красной армии.

В 1903 году луганская организация уже вышла из стадии кружковой работы и начала массовую агитационную деятельность. После Ростовской стачки, имевшей большое влияние на рабочее движение Донбасса, Луганский Комитет РСДРП начал энергичную работу по выпуску гектографированных листков. В начале декабря 1902 года была выпущена листовка «Бюллетень о ходе забастовки в ростовских мастерских Владикавказ. жел. до .», затем „Ко всем луганским рабочим и работницам", в которых излагалось политическое значение ростовских событий.

В дальнейшем было выпущено ряд листовок, в которых Луганский Комитет останавливался на злободневных, волновавших рабочих вопросах на разные заводские темы.

Активная работа Луганского Комитета встревожила полицию. Началась усиленная слежка. И 7-го марта 1903 года часть активных работников была арестована. Оставшиеся в Луганском Комитете товарищи пытались возобновить работу Луганского Комитета. Они были связаны с ячейкой Гартманского завода, в которую тогда входили (январь-май 1903 года) Ткачов. Нагих, Бондаренко, Куренов, Морозов, Бондарев, Медведев, Чукин, Осташов и др. Членами Гартманской ячейки оказались два провокатора—Баррес и Федорчук, благодаря которым луганская организация была почти разгромлена арестами в марте и мае 1903 года.

В дальнейшем развитии деятельности луганской организации руководящая роль перешла в руки Ворошилова, который в начале своей политической работы в Луганске возглавлял кружок чугунно-литейного цеха завода Гартмана и уцелел во время провалов. В конце 1903 года тов. Ворошилов официально вступил в партию, в 1904 году был введен в Луганский Комитет, в каком и оставался до 1907 года, до ссылки в Архангельскую губернию.

Луганская организация и «Искра»

Годы 1900-1903 в истории нашей партии являются периодом борьбы революционных марксистов, „искровцев", с оппортунистическим течением—экономизмом.

Какую позицию занял, как руководящая организация, Луганский Комитет в этой борьбе?

Судя по прокламациям, изданным в феврале-марте 1903 года, Луганский Комитет твердой „искровской" линии еше не имел, хотя в первых прокламациях («К рабочим механического отдела завода Гартмана»), выпущенных до мартовских провалов, имеется призыв к политической борьбе, указывается, что „полиция—усердная помощница всяких насилий", что «правительство потакает всем капиталистам и чиновникам, устраивая кровавые бойни, как это недавно было в Ростове» и что „нам

самим нужно бороться с врагами—капиталистами и правительством". Но после мартовских провалов состав Луганского Комитета несколько изменился, и почувствовалась другая линия. Отсутствие дискуссионной литературы, опытных руководителей из центра, которые-бы помогли местным работникам разобраться в сложной внутри-партийной борьбе—все это задержало „искровское" оформление Луганской организации, как и других местных Донбассовских организаций.

Но чем ближе к партийному 2-му с'езду, чем напряженнее делается борьба течений, тем быстрее шло самоопределение местных организаций в «искровском» направлении[1].

Во время фракционной борьбы периода 2-го С'езда и после с'ездовского, луганская организация тоже не сразу стала на твердую большевистскую позицию. Тов. Ворошилов в своих воспоминаниях пишет: „Организация в это время (конец 1903 года. А. Г.) носила характер еще не определившийся, в смысле фракционности, и только к лету 1904 года с приездом новых товарищей (прежде всего тов. Лугановского) наша луганская организация определяется как большевистская"[2].

Луганской организации удалось освободиться к этому времени от влияния меньшевистского Донецкого Комитета и связаться с большевитским Екатеринославским, руководство которого несомненно сыграло свою положительную роль.

В 1904 году луганские большевики, в целях охвата и расширения своей работы на весь район шахт и заводов бывшего Славяносербского уезда, создали Горный Комитет РСДРП, который и развернул работу в условиях все растущего революционного движения:—выпустил первомайскую листовку, провел однодневную забастовку рабочих чугунно-литейного цеха, где работал Ворошилов—член Луганского Комитета, выпустил по поводу волнений в луганской тюрьме прокламацию, заканчивающуюся словами: „Да здравствуют товарищи луганской тюрьмы", „Да здравствует политическая свобода".

Начавшаяся русско-японская война дает богатый материал Луганскому Комитету для агитации против войны, раз'яснения преступной авантюры правительства на Дальнем Востоке. В прокламациях, относящихся к периоду русско-японской войны, звучат отчетливо интернациональные ноты солидарности российского и японского пролетариата.

К этому же времени относится организация в Луганске подпольной типографии.

1904 год для луганской организиции был действительно годом напряженной работы и борьбы. Этот период является и временем все усиливающегося влияния тов. Ворошилова в организации и среди рабочих.

В 1904 году Ворошилов уже член Луганского Комитета. Работа его носила самый разносторонний характер. Он и пропагандист, и организатор, и руководитель кружками, и постоянный оратор на массовках. Не было, по свидетельству старых товарищей Ворошилова, отрасли подпольной партийной работы, которую-бы не знал и не организовал Ворошилов. Его квартира была местом, где протекала горячая жизнь и нередко собирался подпольный комитет. Тов. Нагих, который в это время жил с тов. Ворошиловом, пишет в своих воспоминаниях как протекал их день. «В $5^1/_2$ часов вставали, в 6 часов утра работа на заводе, завтрак на за-

---

[1]) Харечко. Летопись революции 1925 г. кн. 3.

[2]) Вардин. Ворошилов.

воде во время работы, в 12-12½ часов обедали дома (жили близко от завода) потом с 1½ до 6 часов вечера работа (иногда литье задерживало Ворошилова до 11 часов вечера). Умывшись, сразу отправлялись или на заседание, или на кружок, или на массовку». Знали в это время Ворошилова не только на Гартмане, но и на других заводах. Его большое влияние среди рабочих не могло пройти мимо внимания, как администрации, так и полиции. Приходилось быть постоянно настороже.

А работа все расширялась, Луганская организацня все больше охватывала шахты и заводы, стремясь выйти за пределы бывшего Славяносербского уезда.

И к революции 1905 года Луганская организация сделалась опорой большевизма на Донбассе: отсюда шла борьба с меньшевиками, сохранившими свои позиции еще в ряде организаций Донбасса, особенно по шахтам.

1905 год.

О 9-м январе в Луганске узнали сразу после событий в Петербурге. Луганский Комитет имел связь с центром. Дня через четыре были получены подробности Кровавого Воскресенья. Немедленно это известие по кружкам обсудили и было решено провести однодневную забастовку. Негодующее настроение в рабочих массах вполне соответствовало этому решению. Разговоры о расстреле шли всюду: у станков, у верстаков, наковален, печей, всюду говорили, не веря один другому, друг друга убеждая[1]).

По мере того, как известия газетные и личные приносили подтверждения фактам кровавой расправы с рабочими, негодование рабочих принимало все большие и большие размеры. Комитет решил провести однодневную забастовку протеста. На всех заводах были устроены митинги во время смены. На заводе Гартмана митинг собрал до 5000 рабочих и длился около часу. На митинге выступали Ворошилов и «Юрий». Забастовку начал Гартманский завод, к нему присоединились Эмальзавод, суконная фабрика, железно-дорожные мастерские и различнные мелкие предприятия города. Одновременно с Луганском бастовал Юрьевский завод, имевший связь с Луганским Комитетом.

Заводская администрация Гартмана, да и других производств стушевалась, не препятствовала ни митингам, ни забастовкам, даже полиция держалась в стороне.

Луганская организация к этому времени еще больше выросла. На Гартмане в каждом цехе существовали цеховые десятки, существовал заводской комитет, связанный с общегородским.

После забастовки Луганским Комитетом были распространены в большом количестве прокламации, как свои, так и из центра.

Среди рабочих, главным образом среди рабочей молодежи, стали организовываться кружки, которыми руководили более развитые рабочие. Задачей Комитета стало—проникнуть в эти кружки, вести в них свою агитацию, подготовляя рабочую массу к более широким выступлениям, что и удалось сделать. В этих кружках занятия велись по вопросам, особенно волнующим рабочих, путем раз'яснения и чтения нелегальной литературы. Работа кружков велась обычно на квартире одного из членов организации, или, в целях конспирации,—под видом вечеринки, со

[1]) Николаенко. Революционное движение в Луганске.

бирали рабочую молодежь, и знакомили ее с основными первоначальными элементами политики, давались всевозможные поручения, на которые молодежь, возбужденная происходящим вокруг, с жадностью набрасывалась.

Работа эта не прошла даром. 13 февраля в Луганске началась первая общая забастовка. Началась она на Гартманском заводе, и была настолько организационно подготовлена, что явилась полной неожиданностью, как для администрации завода, так и для Гартманской полиции, особенно тщательно следившей за рабочими.

„Еще за несколько дней до забастовки рабочие глухо волновались, выражая свое недовольство против чрезмерно тяжелых условий заводской жизни. Насторожившаяся еще с утра полиция, дежурила у проходной, не подозревая, что для забастовки почти все уже было подготовлено и что агитаторы с прокламациями уже прошли в мастерские".

„Придя в завод, рабочие нашли чуть ли не каждый в своем ящике по прокламации, специально приготовленной заранее. Прокламации были выпущены от имени Горного Комитета РСДРП специально на имя рабочих завода Гартмана. Естественно, все набросились на прокламации и начали читать, живо обсуждая каждый пункт выставленных в ней требований. Мастерские загудели и заволновались"[1]).

„В горячих цехах работу приостановить было труднее, потому что в печах были нагреты болванки, в кузнице заложено в горны железо; из механического цеха прибежало четверо молодых рабочих; у ворот раздался крик: „бросай, товарищи". К ним присоединилась группа человек 10-15 рабочих кузнецов. Один из кузнецов говорит: „подождите, товарищи, варкукончу". Ему ответили: „Пусть Обухов за тебя кончает". „Закрой горн".

„Через двадцать минут затих вентилятор, тухли печи, кочегары у паровых котлов выгребли из топок огонь и заливали его, рабочие медленно шли на площадь,—во всех цехах по прекращении работы, рабочим об'явили, что они должны итти на собрание".

„На площади собралось тысяча полторы людей; кто-то из молодежи прошел в кочегарку электростанции; раздался пронизывающий душу тревожный гудок. Цеха, которые еще не успели прекратить работу, после тревожного свистка, все двинулись на площадь, работа приостановилась.

„Полиция растерялась. Это видно было по усиленной охране проходной, где помещалась канцелярия заводского пристава. Администрация завода вся скопилась в главной конторе, из окна которой видна была площадь где происходил 7.000 митинг рабочих". „Митингу никто не мешал. На трибуне появился товарищ Ворошилов".[2])

Так описывает первую забастовку гартманцев в 1905 году один из ее участников.

На другой день гартманцы, собравшись снова у 1-й проходной, решили снять с работы рабочих других заводов.

Присоединились железно-дорожники, завод эмалировочный и костыльный. Трехтысячной рабочей массе удалось снять с работы даже рабочих казенного завода, охраняемого воинскими частями.

На каждом заводе для пред'явления требований, для ведения переговоров с администрацией было выделено от каждого цеха по одному

[1]) Гамбаров—„Очерки по истории революционного движения в Луганске".
[2]) Николаенко. Революционное движение в Луганске.

делегату, которые вместе составили общезаводское делегатское собрание. Каждое такое делегатское собрание выделило представителей в общезаводской забастовочный комитет. Как состав забастовочного комитета, так и требования намечались партийной организацией.

В городе в это время были, кроме большевиков, меньшевики и эссеры, но несомненное большинство принадлежало большевикам, эссеры были единицами, меньшевики очень слабы.

Требования, в основном изложенные в прокламации от имени Горного Комитета, сводились к ряду пунктов экономического и политического содержания. [1])

На Гартманском заводе для зачтения и утверждения требований было организовано в сборно-паровозном цехе—громадном здании, собрание рабочих. К назначенному часу громадный зал был наполнен рабочими. С трибуны раздался вопрос „кто будет читать требование". Собрание называет фамилию „Ворошилов". Есть предложение „Фридкин". Большинство за Ворошилова; 7.000 громада завода знала уже своего молодого руководителя.

Всем забастовочным движением руководил общегородской забастовочный комитет, в который входили Клим Ворошилов, (Нагих), Климов, Перчихин и другие.

Забастовка окончилась удовлетворением многих требований, но не в этом ее значение. Нужно целиком согласиться с оценкой первой гартманской забастовки, которую дает один из рабочих завода—тов. Николаенко.

„Эта забастовка сыграла роль поворотного пункта в истории борьбы луганского пролетариата; она прошла сверх ожидания, дружно, рабочие держали себя хорошо. Никаких выпадов с их стороны не было: требования были удовлетворены одни частично, другие полностью. Но главная заслуга забастовки заключалась не в экономических завоеваниях. Главное значение ее было в том, что она значительно подняла сознание масс, она научила их свои интересы защищать организовано. Кроме того, она выявила значительной слой актива рабочих, годных для обработки парторганизацией, выявила рабочий авангард и сблизила этот рабочий авангард с партией. Забастовка сделала парторганизацию широко известной в рабочих кругах, а в цехах выдвинула передовиков, которые стали отныне центром внимания всего цеха". „Эта забастовка была началом революционной волны 1905-1906 годов в Луганске". [2])

3-й партс'езд

Как отнеслась луганская организация к вопросу о созыве 3-го партс'езда, какова была ее позиция?

Указывалось, что в 1904 году произошло большевистское оформление луганской организации. В период подготовки к 3-му партийному с'езду, в начале 1905 года, луганская организация и выявила себя как большевистская организация. К сожалению, почти нет материалов, относящихся к вопросу, как протекала фракционная борьба перед 3-м с'ездом и в период с'езда, но резолюция по внутрипартийному положению, принятая луганской организацией в начале 1905 года, в период борьбы за 3-й с'езд, ставит ее в ряды борющихся за Ленинскую линию. В этой ре-

---

[1]) См. прокламация, приложение № 1.

[2]) Николаенко. „Революционное движение в Луганске".

золюции читаем: „Принимая во внимание то ужасное положение, в котором находится партия, тогда, когда сознательный авангард РСДРП ввиду надвигающихся событий должен был находиться во всеоружии на своем посту, луганская организация РСДРП считает единственным и честным выходом для партии из положения, созданного в ней дезорганизаторской работой меньшинства,—3-й с'езд, который может положить конец разброду и шатаниям, так вредно отражающихся на деле пролетариата.... Мы-бы желали, чтобы с'езд партии высказался о подчинении меньшинства большинству, об устройстве тайной организации в партии и т. д. Нам думается, что с'езд, как-бы он не желал мира и единства в партии, не может не остановиться на таких вопросах, меньше всего считая с боязнью некоторых лиц, что будто-бы постановка их приведет к расколу. Партия пролетариата не может бояться каких-то угроз, когда приходится определить свое отношение к основным вопросам существования партии. Также выражаем свое пожелание, чтобы в основу отношения к периферии были взяты соображения, изложенные в брошюре тов. Ленина: „Письмо к товарищу“. Затем, принимая во внимание наличие разногласий, в которых новая „Искра“ заняла рабочедельскую позицию, отвергнутую 2-м с'ездом и тем самым разорвала связь, существующую между партией и Центральным Органом—больше того: нарушился моральный мандат, полученный ею; признавая во „Вперед“ истинного продолжателя старой „Искры“, борющегося за принципы революционной соц. дем. против оппортунизма новой „Искры“, мы подаем свой голос за „Вперед“, как Ц. О. РСДРП“.

Резолюция показывает, как преломилися в сознании луганской организации основные, принципиальной важности вопросы.

Недаром же в Луганске меньшевизм не играл роли. В то время, как в Донбасе везде преобладали меньшевики, в Луганске на Гартманском заводе, рабочие которого составляли 3/5 всего луганского пролетариата,—меньшевиков было не более 3-4 человек.

Следует указать, что меньшевики не могли относиться равнодушно к такому пролетарскому центру, как Луганск. Они пытались атаковать луганскую организацию. 1905 год в этом отношении наиболее интересен. В этом году борьба с меньшевизмом приняла не только в центре, но и на местах свой более отчетливый вид.

Но в Луганске меньшевики успехом не пользовались. В переписке луганской организации с **Н. Лениным и Н. К. Крупской** (помещенной в „Пролетарской революции“ за 1926 г. кн. 1) за период от апреля до сентября 1905 г. мы находим указание в обращении к с'езду на протест луганской организации против делегата, об'явившего себя „представителем Донецкого комитета“. Этот „представитель“ был меньшевик. Из переписки выясняется, что „к меньшевикам (в Луганск. А. Г.) понаехало народу для обратного завоевания, но это не удастся. Перспективы громаднейшие, затеваем связи в уездах, обществе и среди учителей“. „В результате мы думаем взять всю работу и об'явить себя Донским Комитетом“.

Луганская организация осталась большевистской организацией. В Луганске не было удобной базы для меньшевизма. Луганский пролетариат представлял из себя в основном сплошную массу, неразряженную ремесленичеством и мелко-буржуазной стихией, так подающейся влиянию меньшевистского оппортунизма.

Нельзя не отметить, что среди Донбассовских организаций имел перевес меньшевизм и Луганск в этом отношении занимал особое место.

Попов указывает в своей „Истории КП(б)У“, что кроме комитетов Одесского, Екатеринославского и Николаевского, которые принимали участие в оформлении „Бюро Комитетов Большевиков“, большевистские организации в период 3-го с'езда были еще только в Луганске и Чернигове.

После февральской забастовки рабочее движение в Луганске все более разворачивалось, росла и луганская партийная организация. Всю весну и лето были как в Луганске, так и в районе экономические стачки, перебрасываясь с завода на завод, с рудника на рудник.

Приближалось 1-е Мая. Обще-Донецкая забастовка не удалась. В Луганске оба комитета, большевиков и меньшевиков, решили организовать однодневную первомайскую забастовку, и как протест существующему режиму, и как смотр наличия революционных сил. Проведена была подготовительная работа. Но несмотря на это, первомайская забастовка в Луганске не удалась. С одной стороны не все заводы оказались достаточно подготовленными, с другой—забастовка с самого начала была задушена местными полицейскими и военными силами. На заводах, где рабочие побросали работу 1-го мая, были немедленно введены большие отряды полиции и войск и под натиском вооруженной силы рабочие принуждены были приступить к работам. Тогда парторганизация решила отпраздновать 1-е Мая массовкой за городом в Сучьей балке. На массовке тов. Ворошилов сделал доклад о внутреннем положении страны, говорил о международном значении первомайского праздника. Анализируя состояние русско-японской войны, тов. Ворошилов указывал на значение поражения русской армии для революции рабочего класса, внедряя, таким образом, пораженческие идеи в умах луганских рабочих еще в эпоху первой революции.

Массовки весною и летом организация проводила часто, собирая на них сотнями луганских рабочих. Устраивались они за городом в балках, в Вергунском лесу, на Донце. Полиция следила, но патрули военных дружин охраняли товарищей, предупреждая об опасности. „В Донбассе не было университетов, где под охраной студенческой „конституции“ можно было-бы устраивать открытые рабочие митинги. Зато была широкая степь, изрезанная глубокими балками, песочными карьерами, покрытая „дремучими“ железно-дорожными посадками. Эти-то степные убежища по темным ночам кишма-кишели рабочими массовками, сначала тайно, а потом полулегально. Полиция и казаки боялись ночью подступиться к такому сборищу, опасаясь вооруженного отпора“.

Массовки, несомненно, сыграли большую роль в деле, как организации масс, так и выяснения сложных политических вопросов, встающих в процессе развивающейся революции. На массовках выступали представители и большевиков, и меньшевиков, и эсеров, устраивались дискуссии по спорным вопросам программы и тактики.

Летом, в июле 1905 года, во время второй неудачной забастовки были арестованы тов. Ворошилов, Бондарев и другие.

Об этом аресте тов. Ворошилов в своих воспоминаниях говорит: „В момент общего собрания, на котором рабочие собирались обсудить требования к администрации, внезепно, как из-под земли выросла заводская полиция в количестве около 50-60 человек и, открыв стрельбу по огромной толпе рабочих, вызвала своими действиями страшную панику, сорвав не только собрание, но и забастовку“. „Поскольку натиск полиции был неожиданный, рабочие бросились в разсыпную, причем главная масса кинулась к речке, окаймляющей территорию завода, и пустилась вплавь на другую сторону. Я находился впереди толпы и мне поэто-

му пришлось отступать последним. Когда я добежал до реки, мне стало совестно и за рабочих, и за себя, и я остановился на месте. Тогда раз'яренные полицейские, стрелявшие в упор, но к счастью не задевшие ни одного раза, подскочили ко мне со взведенными курками револьверов и потребовали следовать за ними. Я повиновался. Но подскочила еще группа полицейских, и меня начали бить смертным боем. Очнулся я, как в полусне, только в полицейском участке, находившемся здесь-же, на территории завода. Спустя некоторое время, в участок привели еще одного товарища, члена партии, Саматина. Он тоже был весь в кровоподтеках и синяках. Но полицейские не удовольствовались избиением нас во время ареста. Они непрерывно, до поздней ночи, приходили в нашу камеру по-очереди и избивали нас не только кулаками, но и шваброй, метлами, всем, что попадалось им под руки".

После этих предварительных внушительных физических воздействий тов. Ворошилов был препровожден на другой день в Луганскую тюрьму, в которой он и просидел до октября.

Арест тов. Ворошилова и других активных работников был большим ударом по луганской организации. Но проведенная усиленная работа в конце лета Комитетом по вербовке новых членов партии укрепила организацию для дальнейшей работы.

Октябрь 1905 г. на Луганщине

Приближался октябрь 1905 года.

1-го (14-го) октября поздно вечером собрался многолюдный митинг на Александровской улице у мельницы Шахновича. После митинга началась демонстрация, на которую налетели конные городовые.

«Участники сходки, завидев полицию, вооружились палками и камнями, бросали ими в наряд полиции. В темноте со стороны сходки было произведено несколько выстрелов», сообщает околодочный.

Так начались октябрьские дни в Луганске.

Всеобщая октябрьская стачка была встречена в Луганске забастовкой всех заводов. Тысячи луганских рабочих выражали свою солидарность бастующим товарищам всей страны. Волна забастовок продолжалась до манифеста. Забастовки носили ярко выраженный политический характер. Лозунгами их были «Долой самодержавие», «Да здравствует учредительное собрание, 8-ми часовый рабочий день» и т. п.

Известие о манифесте было получено в Луганске 18-го (старый стиль) октября.

В этот же день происходил митинг в народной аудитории и демонстрация на улицах города. Первое требование рабочих было—амнистии товарищам, находившимся в то время в луганской тюрьме, среди которых был и Клим Ворошилов. Демонстрация в тысячи полторы двинулась к тюрьме, помещавшейся за городом. Подойдя к тюрьме, начали вести переговоры с тюремной администрацией, требуя немедленного освобождения товарищей. Из толпы слышались угрожающие возгласы, администрация не соглашалась выпустить заключенных без разрешения начальства. Тем временем прокурором и исправником было дано распоряжение об освобождении с.-д. руководителей. Освобожденные товарищ Ворошилов и Бондарев были немедленно доставлены на митинг в народную аудиторию, где, встреченные бурными рукоплесканиями рабочих,

приняли участие в митинге. Снова луганские рабочие слушали своего руководителя, снова Ворошилов призывал к борьбе луганский пролетариат.

О том, как относились тогда, в 1905 году, луганские рабочие и партийные и беспартийные к Ворошилову есть интересные заметки у тов. Шкловского («Сергей»)—подпольного работника Екатеринославской организации. По распоряжению Южно-русского бюро большевиков летом 1905 года он посетил Луганск. В своих воспоминаниях он пишет, что «особенной популярностью и даже любовью среди луганских товарищей, особенно гартманцев, уже тогда пользовался тов. Ворошилов». «Уже с первых дней имя его не переставало фигурировать в рассказах товарищей и произносилось оно, повторяю, очень любовно. Такое же отношение было к тов. Ворошилову и со стороны беспартийных работников. Помню характерный штрих: организация выпустила написанную мною листовку к рабочим. В этой листовке, желая подчеркнуть, что правительство помогает капиталистам против рабочих, я сослался на пример этой самой гартмановской забастовки, когда полиция стреляла в рабочих и арестовала лучших людей в роде Ворошилова. Когда я впоследствие осведомлялся, как прошло распространение среди рабочих и какое впечатление среди них произвела прокламация мне дали сведения, что читали ее почти все рабочие и что на Гартманском заводе особо хорошее впечатление произвело упоминание о тов. Ворошилове».

Вторая половина октября была наивысшей точкой развития революционного движения в Луганске. К этому периоду относится и организация в Луганске Совета Рабочих Депутатов, возникшего после освобождения Ворошилова из тюрьмы.

Возник совет под руководством луганской организации. Представлял он из себя общегородскую организацию с представительством рабочих всех заводов, но доминирующую роль в нем играли гартманцы. В 1906 году в Совете (официально название его было «Депутатское собрание») были только гартманцы, «но несмотря на это все дела всех заводов разбирались Советом», пишет в своих воспоминаниях постоянный заместитель секретаря Совета тов. Стовбур.

В Совете было до 30-35 членов. Избирались они рабочими из товарищей, в большинстве случаев пользующихся популярностью, наиболее революционно определившихся. Большинство было большевиков. Председателем Совета был Клим Ворошилов.

С самого начала своего существования Совет занял руководящее положение в городе. Фактически он сосредоточил в своих руках основные нити управления, причем охватил своей деятельностью не только город, но и район.

Совет пользовался популярностью и авторитетом среди не только рабочих всех заводов, обращавшихся в совет со всеми своими нуждами и запросами, к нему шли крестьяне из ближайших деревень, его авторитет не смогли не признать и с ним не считаться и враги рабочих.

Ряд характерных моментов из деятельности Совета приводит в своих воспоминаниях председатель его тов. Ворошилов.

«Казаки близлежащих станиц в огромном количестве (около полутора тысячи) работали на заводе в качестве рабочих, другие казаки с тех же и др. станиц служили у помещиков в качестве стражников, охраняя их земельную собственность. И вот однажды крестьяне прилегающих к Луганску сел, явившись в Депутатское собрание, потребо-

вали от нас издания законов о том, чтобы казаки не защищали помещиков, не служили стражниками. Вопрос был перенесен сперва в комитет партии, а затем через Депутатское собрание была поднята кампания. Были созваны все казаки, работавшие на заводе, и им был поставлен ультиматум: или они все до одного будут уволены с завода, или они, раз'ехавшись по своим станицам (всем им был гарантирован определенный срок отпуска) убедят, докажут своим станичникам необходимость разрыва с помещиками и землевладельцами. А для того, чтобы добиться реальных результатов, было сказано, что в противном случае ни один казак не будет допущен на городской базар с продуктами своего хозяйства. Результаты были изумительные: через несколько недель ни одного казака у помещиков не было, а немного спустя крестьяне уже делили помещичьи земли, устанавливали свои крестьянские порядки и законы. Правда, в последствии крестьяне за это расплатились и боками, и тюрьмой, но значение этих революционых выступлений рабочих, крестьян и казаков было огромно».

«Другой случай — празднование 1-го мая. По приказу комитета партии, поддержанного Депутатеким собранием, весь город замирает, и только три наиболее махровых черносотенных купца рискуют не закрыть своих лавок».

«Спустя два часа, двое из них, получив требование подчиниться воле Луганского Комитета и Депутатского собрания, лавки закрыли; упорствует только один купец Грудинин. И вот этот господин впоследствии почувствовал всю тяжесть революционной руки Луганского Комитета и Депутатского собрания: в продолжении трех с лишним месяцев магазин Грудинина, который до тех пор пользовался широкой известностью и популярностью, не видел ни одного покупателя. Все это сделано было Луганским Комитетом при посредстве Депутатского собрания, которое приняло все меры к тому, чтобы бойкот проведен был до конца.

«Третий случай. В октябре 1906 г. выездная сессия судебной палаты прибыла в Луганск для слушания дела о забастовке на заводе Гартмана (главным обвиняемым был т. Ворошилов А. Г.). И вот, по распоряжению Депутатского собрания в день открытия сессии, все рабочие города бросили завод и мастерские, окружили здание суда и молчаливо ожидали решения судебной палаты. Как сейчас помню ту панику, которая охватила царских чиновников со звездами на груди. Состав суда, не отходя от окна, наблюдал за прибыванием все новых и новых сотен и тысяч рабочих на площадь и ждал весьма неприятных последствий. Наконец, председатель дрожащим голосом об'являет заседание открытым и предлагает суду удалиться на короткое совещание. После минутного совещания суд постановил дело отложить, перенеся его на другую сессию. Освобожденные обвиняемые под неистовые крики и революционные песни огромной массы собравшихся рабочих покидают зал суда».

«Четвертый, маленький, но весьма характерный для того времени, эпизод. В ночь на 1-е мая 1906 г. на одной из самых высоких труб города водрузили огромного размера красный флаг, который развевался на весь город. По утру полиция начала бегать вокруг трубы, но не нашлось ни одного городового, который решился бы снять рабочее знамя. И вот на заседание Депутатского собрания является пристав и умоляет снять флаг. Свою просьбу он мотивирует тем, что флаг, развевающийся на трубе, послужит поводом для всяких неприятностей,

присылки на завод казаков и проч. Я отвечаю приставу, что Депутатское собрание является легальной организацией рабочих и в вывешивании флага не принимало никакого участия, а если он желает снять красное знамя с трубы, то пусть обращается к дирекции завода. Прошло около недели, а флаг все время развевался, и только после настойчивых просьб дирекции, которая действительно боялась разгрома завода, мы приказали товарищам ночью снять красный флаг».

По предложению Совета, городской голова Луганска давал публичное об'яснение общему собранию граждан города в здании аудитории, по вопросу о том, на каком основании был вызван казачий отряд в город. В то же время Совет организовал денежный фонд для приобретения оружия, на содержание подпольной типографии и т. д. Все эти факты с очевидностью говорят о том, что мы имеем дело с организацией, обладавшей несомненными элементами власти, полученной от революционного класса.

Учитывая всю необходимость не только политико-воспитательной работы в массах рабочего класса, но и обязательности технической подготовки к предстоящим боям, луганская организация не могла не сосредоточить своего внимания на необходимости вооружения рабочих.

Вопрос о создании боевой дружины был поставлен организацией еще до московского вооруженного восстания. Уже после январьских событий начали приобретать оружие. Инициатива и руководство в этом деле тоже принадлежат Ворошилову. После московского вооруженного восстания, подготовка к вооружению приняла более ускоренный темп, начались сборы средств на покупку оружия, главным образом, среди рабочих, но втягивали даже буржуазию, которая давала деньги, не зная, конечно, истинного назначения собираемых средств. По свидетельству некоторых товарищей собрано было не менее 10.000 рублей. Начальником дружины был назначен член партии тов. Бондарев, рабочий котельного цеха, Гартманского завода.

Вся дружина была разбита на десятки, во главе которых стояли десятники, начальники десяток. Десятники производили у себя на заводах дальнейшую вербовку в дружинники. Бондарев в своих воспоминаниях пишет, что ему, «как гвардейскому унтер-офицеру, было поручено обучать дружину стрельбе. Проходили строй, я придумывал задачи соответственно нашим обстоятельствам: как строить угольники, баррикады, как охранять трибуну, как действовать, чтобы оттеснить полицию»; «вели занятия сами десятники, мною проинструктированные. В праздник устраивали иногда общие сборы, созывая через десятников всю дружину». «Учились стрельбе из револьверов, по особому заказу изготовили патроны. Учились также владеть бомбеметом. Обучение шло в Вергунском лесу».

Помимо покупки оружия на месте, оно доставлялось луганской организации из Питера и Финляндии. Первая партия была закуплена в Финляндии и доставлена в Луганск с громадным риском стариком Рябковым («Пчела»). Бомбы для организации изготовлял один эстонец—анархист. Работа производилась на квартире, известной только ему. Динамит доставляли через знакомых из шахт, через фармацевтов из аптек, коробочки делались на заводе. После от'езда эстонца изготовлением бомб стал заниматься тов. Фриер, член партии. За лето 1906 года он изготовил до 200 бомб. Рябков в своих воспоминаниях пишет об этой работе «Луганск, как и все города, населенные рабочими, был об'явлен на военном положении (начало 1906 года). Это, однако, нисколько не мешало

организаций большевиков терроризовать полицию. В Луганске чуть-ли не на заводе Гартмана, изготовлялись бомбы для боевой организации. Страшный и суеверный ужас испытывали городовые перед некоторыми из наших товарищей. Это парализовало их волю».

Вся эта робота, протекала уже после декабрьского московского поражения. Луганская организация не пришла в уныние, не растерялась, не присоединилась к тому выводу, который был дан Плехановым о московском вооруженном восстании—«не нужно было браться за оружие». Луганская организация готовилась к бою.

Так закончился 1905 год в Луганске.

Подводя итоги этому величайшему по значению году, необходимо указазлть, что 1905 год имел огромное значение в истории луганской организации, в жизни луганского пролетариата. Луганский пролетариат за этот год борьбы вырос, окреп политически; луганская парторганизация получила боевой опыт практической борьбы, в борьбе с враждебным меньшевизмом заняла твердую большевистскую позицию.

Владимир Ильич Ленин писал в „Что делать": «чем шире и глубже делается стихийный под'ем рабочих масс, тем больше выдвигают они не только талантливых агитаторов, но и талантливых организаторов, и пропагандистов, и „практиков" в хорошем смысле».

Революция 1905 года на Луганщине, борьба луганского пролетариата выдвинула своего талантливого организатора—это был Клим Ворошилов.

Выдающийся по своим организаторским способностям и до революции, пользующийся заслуженно авторитетом в рабочих массах,—тов. Ворошилов в революцию 1905 года превратился в вождя революционного Луганска. 1905 год был для Ворошилова годом прекрасной боевой учебы, которая дала блестящие результаты, в виде дальнейшей деятельности этого талантливого Ленинского ученика.

Период реакции.

1906 год начался на Донбассе, как и во всей стране, жестокой реакцией. Своего рода исключение составлял первое время Луганск, где наличие введенного военного положения не мешало продолжать работу луганской организации.

С одной стороны, в Луганске не было вооруженного восстания, с другой стороны, на лицо была одна из самых мощных с.-д. организации, к этому нужно еще прибавить и то обстоятельство, что прекрасно организованная боевая дружина луганской организации, наводила панику на полицию. Все это вместе взятое, определило такое положение в Луганске, что луганская парторганизация провела весною 1906 года ряд важнейших политических мероприятий: бойкот выборов в первую государственную думу, подготовку и выборы на IV-й с'езд партии, развернула уже указанную работу по организации боевых дружин, провела очень удачно первомайские демонстрации.

По вопросу о бойкоте I-й государственной думы была выпущена в январе Луганским Комитетом прокламация, в которой читаем: „Когда настигаемый вор бежит, он, чтобы задержать погоню, выбрасывает одну вещь за другой, думая так спастись. И самодержавные воры, крадущие у народа его деньги в виде податей и налогов, воровским образом хозяйничающие чужим трудом, лишающие нас наших прав, тоже, удирая от

народной грозы, от все увеличивающегося разлива революции, выбрасывают то куски свобод, то один, то другой манифест, обманывая, мороча настрадавшихся граждан до конца. Народ требует учредительного собрания, этого истинного народного представительства, а ему преподносят кадетскую думу".

Перед IV-м С'ездом (апрель 1906 г.) луганская организация провела несколько массовок, на которых происходила ожесточенная дискусия с меньшевиками.

Затем, был созван актив организации, на котором окончательно была сформулирована точка зрения луганской организации по вопросам С'езда. На этом же узком активе тайным голосованием был избран делегатом на IV-й С'езд тов. Ворошилов.

т. т. Ворошилов и Нагих в период подполья.

Большевики на IV-м С'езде оказались в меньшинстве, большинство украинских организаций на этом с'езде было представлено меньшевиками, большевиков от Украины на IV-м С'езде было только 4. Донецкий союз имел делегатами двух большевиков, один из них был тов. Ворошилов.

Резолюции, принятые С'ездом по основным вопросам, оказались оппортунистическими.

Лениным, сейчас же после С'езда, было написано „Обращение к партии делегатов об'единительного с'езда, принадлежащих к бывшей фракции „большинства".

В этом обращении указывалось на то обстоятельство, что „В трех основных резолюциях С'езда определенно обнаруживаются ошибочные взгляды прежней фракции «меньшевиков», численно преобладавших на с'езде".

В «Обращении» говорилось о том, что „против всех решений с‘езда, которые мы считаем ошибочными, мы должны и будем идейно бороться. Но при этом мы заявляем перед всей партией, что мы против всякого раскола“.

«Революция учит—и мы верим, что практическое единство борьбы с.-д. пролетариата всей России предохранить нашу партию от роковых ошибок во время развязки грядущего политического кризиса».

Под этим «Обращением» подписался ряд организаций, в том числе и луганская в лице тов. Ворошилова.

Через год, весною 1907 года, луганская организация снова готовилась к очередному V-му С‘езду. Как прошел этот год (вторая половина 1906 г. и первая 1907 г.), какая работа была проведена луганской организацией, как преломились в ее деятельности важнейшие моменты, характеризующие этот переод, период спада революционной волны, развивающейся по всей стране реакции, что представляла из себя луганская организация в этот переломный момент?

Лучшим ответом на эти вопросы служит отчетный доклад луганской организации V-му Партийному С‘езду.

Из этого отчета мы узнаем, что в состав луганской организации к апрелю 1907 года входило „тисяча с лишним организованных рабочих крупных и мелких предприятий“. Таким образом, луганская организация по своему количественному составу рисуется, как несомненно мощная организация.

„Идейная работа луганской организации выразилась прежде всего в пропаганде и агитации устной и письменной“.

В области агитационной работы были по различным вопросам проведены массовки и митинги.

„Луганским комитетом был выпущен целый ряд листовок по наиболее важным вопросам текущей жизни“.

С началом избирательной кампании во 2-ю государственную думу вся письменная агитация сосредоточилась вокруг выборов. Вообще всех своих листков было издано около 30.000, перепечатанных около 20 000. В течение декабря и января Луганскому комитету „удалось взять в свои руки местную газету „Донецкий колокол“, в которой были помещены статьи по вопросам программы и тактики“.

По распоряжению губернатора газета была вскоре закрыта.

Из доклада видно, что по вопросу о соглащении с кадетами при выборах во 2-ю государственную думу, луганская организация заняла правильную позицию, выдержав бои с меньшевиками. „Предложение местных кадетов вступить с ними в соглашение было отвергнуто луганской организацией“.

Для проведения думской избирательной кампании были мобилизованы все сили организации, и в результате с.-д. список прошел почти целиком.

Закончив избирательную думскую кампанию, луганская организация начала подготовительную работу к V-му партийному с‘езду. „Был выпущен листок к рабочим по поводу предстоящего партийного с‘езда, с кратким раз‘яснением порядка дня с‘езда и с призывом всех членов организации принять участие в обсуждении вопросов, предложенных ЦК“.

Были проведены собрания выборщиков (выборы были 2-хстепенные), на которых происходила дискуссия по важнейшим вопросам порядка дня с'езда.

Предс'ездовская работа организации имела большое значение для членов ее. Дала возможность разобраться в разногласиях, существовавших в с.-д. партии в тот момент.

„Особенно оживленный обмен мнений со стороны самих рабочих вызывал на дискуссиях вопрос о рабочем с'езде, при чем огромное большинство рабочих высказалось против беспартийного рабочего с'езда".

В своем отчетном докладе Луганский Комитет указывает на необходимость и очередность создания „Окружной организации", как неотложного организационного мероприятия для организации, которая в своей работы уже вышла за пределы территории города Луганска, имела связь с многочисленными рудниками, тяготеющими к Луганску, как к партийному центру.

Таким образом, из отчета Луганского Комитета видно, что за указанный период, период общего экономического кризиса и развивающейся реакции, луганская организация провела громадную работу.

Тов. Ворошилов на V партс'езде (1907 г.)

На V партс'езд Луганск послал двух делегатов — это были тов. Ворошилов и «Наташа» (умершая в 1920 году тов. Самойлова).

Во время подготовки к с'езду меньшевики, во главе с приехавшим из центра тов. Николаем, приложили все усилия, чтобы провести своего делегата. Это им не удалось.

При чем и на V-м с'езде большевиков от Украины было только четыре, из них два луганских.

Таким образом, удельный вес луганской организации этим обстоятельством еще более подчеркивается.

Тем резче и сильнее ударила реакция по этой организации. Удары посыпались на нее, начиная с внезапного ареста части луганского комитета в конце февраля 1907 года. Организация ушла в подполье, но не смотря на все усиливающуюся реакцию, провела указанную выше кампанию подготовки к V-му с'езду.

По возвращении со с'езда тов. Ворошилова была проведена, несмотря на усиливающуюся реакцию, кампания по ознакомлению с решениями лондонского с'езда. До осени было проведено ряд массовок, обсуждавших вопросы с'езда. Осенью снова провал—арестовывают Ворошилова и высылают в Архангельскую губернию на три года.

Организация настолько была разгромлена, что вновь сорганизованному к концу осени 1907 года луганскому комитету пришлось почти заново начинать организационную работу, но наладить ее удалось не надолго. В 1908 году работа сводилась по существу к печатанию и распространению листовок. Чтобы скрыть наличие типографии в Луганске листовки выходили за подписью «Алмазо-Марьевского района». В 1908 г. прокатилась снова волна арестов. Было арестовано свыше 100 человек и в июле 1908 года вышла последняя листовка.

«Крупнейшая в Донбассе с.-д. организация, мощная в годы революционного под'ема, в годы реакции совершенно прекратила существование. Ни одна из крупных организаций Донбасса не переживала такого катострофического развала, как луганская».

И только в годы нового под'ема 1912-1914 г. луганская организаци- снова начинает завоевывать утерянные позиции.

Период с 1908 года по февральскую революцию в истории луганской организации является наименее освещенным, если не сказать больше. Даже той мемуарной литературы, которая является основным материалом при историческом обзоре остальных периодов, почти не имеется для этого периода.

1909-1911 годы на Луганщине не находят почти никакого отражения ни в документах, ни в литературе.

В эти годы продолжает существовать из общественных рабочих организаций только союз металлистов—«Профессиональное общество рабочих завода Гартмана», прекратившее свое существование в 1916 г. после гартмановской стачки этого года.

1912 год—начинается оживлением луганской организации. На Пражскую конференцию в январе 1912 года луганская организация послала отчет о работе. Делегата луганского на конференции не было—не могли послать—организация существовала меньше трех месяцев. В этом отчете мы читаем «Раньше была сильная организация. Аресты 1908 года (более 100 человек) надолго ее разбили. С 1910 года начали кое-что налаживать: открыли кооператив (около 400 рабочих), стали издавать ежедневную газету. Есть профессиональный союз—120 человек (раньше было 3.000), союз влачит жалкое существование. Есть касса взаимопомощи, имеет помещение и библиотеку. Оторванность от партии страшная. Нет ни листков, ни литературы. Приезд агента РОК, сделавшего доклад о конференции, поднял настроение. На собрании было 15-20 человек. К кон-

ференции отнеслись очень сочувственно и жалели, что не могут послать делегата, ибо нет еще трех месяцев, как существует организация. Решили усиленно заняться укреплением организации».

Очень небольшой большевистской луганской организации, насчитывающей 12-15 человек, удается провести однодневную забастовку протеста по поводу Ленского растрела.

В 1913 году возвратились из ссылки некоторые старые члены организации, работа начала оживать. „В строительной работе по воссозданию разрушенной организации проходит время до начала империалистической войны“.

1912 год был годом резкого перелома в истории рабочего движения во всей стране. Кривая стачек пошла вверх. Разворачивалось рабочее движение и в Донбассе. В июле 1914 года рабочее движение российского пролетариата достигло своей кульминационной точки, разворачиваясь по пути к революции.

Война 1914 года на время прервала восходящую кривую революционного движения. Но задушить рабочее движение правительству не удалось.

Нищета и голод, подкрепляемые агитацией и пропагандой партии, делали свое дело. В 1915 году снова начала развиваться волна революционных стачек.

В конце марта 1915 года начались первые забастовки в Донбассе. Начали их шахтеры; 15-го апреля забастовали 3.000 рабочих метталистов в Макеевке, одновременно с макеевцами пред'явили экономические требования, угрожая забастовкой, гартмановцы. В июле и августе были снова попытки к забастовке на Гартмане и Юрьевском заводе.

Своей организованностью выделяется стачка на заводе Гартмана в июле 1916 года. 5-го июля 5.300 гартмановцев прекратили работу. В резолюции, направленной через выбранных делегатов администрации, гартмановцы говорили: „Мы, рабочие, требуем от заводоуправления дать права нам, рабочим, обрашаться к начальникам отделов за прибавкой к низким расценкам, и вот, исходя из этого положения, мы приходим к неизбежному выводу и решению, что администрация завода сама вызывает рабочих на активные выступления, наглым образом осмеяв попытки рабочих улучшить свои заработки, считая это делом какой то отдельной группы лиц, желающих бунтовать рабочих. Мы, рабочие, примем этот вызов и заявляем: стачка наша—наше единственное средство, которым мы можем улучшить свое материальное положение. Мы считаемся с настоящим положением нашего государства и не желаем, чтобы приостановка работ могла отозваться на ходе военных событий, но если того желает администрация, создав почву для возникновения стачки, то мы заявляем: стачка до конца, какие бы она последствия не имела“.

За гартмановцами забастовало несколько цехов патронного завода. В Луганск прибыл Екатеринославский губернатор. Были сделаны кое-какие уступки, но около 100 рабочих было отправлено на фронт, многие рабочие арестованы, профессиональное общество рабочих завода Гартмана, было закрыто. Таким образом, прекратила свое существование единственная профессиональная организация на Донбассе.

Гартмановской забастовкой руководило правление Союза, в котором были и большевики.

Первый партийный комитет г. Луганска (1917 г.) Николаенко Ляпин, Ворошилов, Иванов, Воронин, Набивач. (Снимок сделан в 1925 году).

Работа большевистской организации в Луганске начала налаживаться к 1915 году. Большевикам удалось занять руководящее положение в Правление Профессионального Союза. С приездом в конце 1915 года в Луганск из центра Юрия Лутовинова, удалось образовать большевистский коллектив, который начал свою работу: во время избирательной кампаний в военно-промышлееные комитеты разоблачали истинную сущность этой организации, защищая позицию революционной борьбы против войны, самодержавия и буржуазии; вели борьбу с меньшевиками, занимая все более твердые позиции против об'единительних тенденций; приняли участие в перевыборах правления больничной кассы; печатали прокламации. Но с появлением на заводе листовок „Циммервальдовского манифеста" начались снова усиленные репрессии. В ночь на 29-е января 1916 года вся руководящая группа была арестована. Налаженная в апреле 1916 года партработа снова была сорвана обысками и арестами после июльской стачки гартмановцев. И только в ноябре 1916 года с приездом снова Лутовинова, был собран имеющийся актив и избран партийный комитет.

Это был конец 1916 года. Приближалась февральская роволюция.

Февральская революция

К моменту февраля Луганская организация насчитывала до 80 человек (к маю их было уже около 3.000).

Характеризуя состояние луганской организации к моменту февральской революции, необходимо указать, что несмотря на тяжелые удары разгромов, на потерю старых руководящих кадров, луганская организация в числе немногих украинских организаций существовала самостоя-

тельно, не об'единяясь с меньшевиками. Такой она была в период подполья перед февралем, такой осталась и в эпоху февральской революции.

Плохо связанная с центром, главным образом приезжающими товарищами, луганская организация знала, что в столице неспокойно, рабочие бастуют. Но точных сведений не было. Газеты выходили со снятыми цензурой целыми страницами. Оффициальное известие о низвержении Николая пришло только 4-го марта (17). Но до этого была привезена из Харькова газета с сообщением о падении царизма. Рабочие заводов приняли участие в общей демонстрации. Непосредственным результатом свержения самодержавия было образование на местах либеральных „общественных комитетов". Был организован и в Луганске «общественный комитет», куда вошли ряд местных «общественных» деятелей из интеллигенции и меньше всего в нем было рабочих. Большевики в Комитете были представлены слабо.

Большевистская организация была еще слаба, собирала свои силы, вела работу по выявлению членов партии, работавших и имевших отношение к большевистской организации в эпоху первой революции (1905-1907 г. г.), вербовала новых членов.

Наряду с комитетом был организован Совет Рабочих Депутатов.

В истории Совета Рабочих Депутатов 1917 г. нужно различать два периода—первый период преобладание в руководстве меньшевиков до лета 1917 г., после чего в Совете руководящее положение перешло в руки большевиков.

На организации Совета с несомненностью сказалась распыленность большевистской луганской организации при наличии огромного вплыва в революцию мелко-буржуазных элементов.

Их значительное количество оказалось и в Луганском Совете, возглавляемом меньшевиком Лариным-Римским.

Николаенко в своих воспоминаниях пишет: «Первые выборные были присланы от самой мелкой луганской промышленности и кустарей», «руководящая роль досталась луганским печатникам, которые в то время целиком находились под влиянием меньшевиков».

Исполком Совета оказался тоже меньшевистским.

На заводах в первые же дни революции возникли заводские комитеты, возглавляемые большевиками. На заводе патронном, где меньшевики имели наибольшее влияние, во главе комитета стал большевик Венецкий. Это имело огромное значение. С одной стороны, наличие большевистского руководства на заводах не давало возможности дальнейшего распространения меньшевиков и эсеров, с другой—это оказывало свое влияние на работу Совета. Несмотря на его соглашательский состав, под влиянием революционно-настроенных рабочих, Совет захватил в свое ведение все отрасли хозяйственно-административной жизни, отодвинув на задний план «Общественный комитет».

К средине лета работа «Общественного комитета» фактически представляла из себя фикцию. 29 июля в одной из местных газет появилась заметка: „Ввиду того, что третье очередное собрание членов Славяносербского Исполнительного Комитета отменяется за неявкой законного числа членов, Президиум Исполнительного Общественного Комитета постановил собрать экстренное собрание своих членов 9-го августа".

Период от февраля до апреля в истории луганской партийной организации характеризуется, как период исключительного роста, накопления сил, борьбы с меньшевиками и эсерами, которая протекала главным образом вокруг Совета Рабочих Депутатов.

Начали с'езжаться старые луганские работники — профессиональные революционеры, вернулся в Луганск в марте т. Ворошилов, несколько позже приехал Юрий Лутовинов.

Тов. Ворошилов приехал с рядом директив из центра — об организации Советов на местах, о захвате влияния в них, о необходимости выйти из пределов города, о связи с крестьянством. После этого и были командированы Вобликов и Андриенко на рудники и села для организации Советов.

По приезде Ворошилова был организован Луганский Партийный Комитет.

Приезд Ворошилова и Юрия Лутовинова произвел перелом в работе Совета. Авторитет Ворошилова, его влияние на луганских рабочих, большие связи с луганским пролетариатом Лутовинова — сыграли значительную роль в деле борьбы

Совет оабочих депутатов Луганска (1917 г.)

с соглашательскими элементами, как в самом Совете, так и среди широких масс рабочих.

Многочисленные воспоминания старых большевиков говорят о роли Ворошилова в борьбе с меньшевиками в этот период. Где-бы он не появлялся, рабочие с исключительным вниманием прислушивались к его словам, и „несмотря на все свое красноречие, меньшевики ничего не могли поделать, рабочие шли за большевиками" (Шевцов).

О работе луганской организации за этот период можно судить по докладу представителя от донецкого бассейна на Всероссийской партконференции, происходившей 24-29 апреля 1917 года. Говоря о работе в Луганске, докладчик дал сведения, что Луганск „издавна находится в руках большевиков. До революции здесь насчитывалось 90-100 большевиков, теперь их 1500. Организован Союз Металлистов, находящийся под влиянием большевиков. Завязываются связи с военной организацией и крестьянством. Необходимо послать работников в Донецкий бассейн. В СР и СД не было большевиков, но это рабочий район, и Совет инстиктивно идет за большевиками. Сейчас фактический Луганск в руках рабочих. Если будут еще работники, то власть, несомненно будет в руках большевиков. Проведен 8-ми часовый рабочий день. Заработная плата увеличена, организовывается продовольственный комитет".

В таком виде представляется луганская организация к концу апреля 1917 года.

Для характеристики периода от мая до июльских дней необходимо остановиться на моменте проведения 1-го Мая. Организовал праздник Совет. Вопрос о праздновании обсуждался Советом и меньшевики настаивали, чтобы предприятия не прекращали работу—„математически высчитывали сколько можем сделать пуль, гильз"—нужно готовить их для войны. Вопрос был так поставлен, что мог разрешиться в пользу меньшевиков. Большевики оттянули решение этого вопроса. Вернулся тов. Ворошилов (уезжавший в Питер). Снова началась борьба двух мнений. С одной стороны мнение, возглавляемое большевиком Ворошиловым—с другой—меньшевиком Вайлем, пользующимся популярностью среди рабочих и особенно в Совете. Победили большевики. 1-го мая заводы Луганска не работали, луганский пролетариат праздновал свой революционный праздник. Во время майской демонстрации Ворошилов выступал с призывом к рабочим о вступлении в партию, указывая на чрезвычайно важный момент в революции. По сведению некоторых товарищей до 1000 человек рабочих вошло в партию.

В дальнейшем своем развитии события в Луганске показали, как массы рабочего класса все больше большевизировались, как росло влияние луганской организации, как одна за другой о бласти управления переходили в руки большевиков.

Необходимо остановиться на некоторых более ярких моментах этого периода. До июльских дней внимание парторганизации было сосредоточено главным образом на завоевании Совета, удалении оттуда меньшевиков, По словам тов. Николаенко, это происходило следующим образом: «На заводах по инициативе нашей фракции созывались собрания, на которых открывались дискуссии. Беспартийная масса рабочих втягивалась в дискуссию, защищая то одного, то другого оратора, разделяясь по линии существовавших тогда партий. Эти споры политически воспитывали рабочих, пополнявших затем ряды партии. В результате митинговых споров на собраниях принимались резолюции за отзыв меньше-

витских депутатов из Совета, а после отзыва меньшевиков предлагались наши кандидаты, которые с успехом выбирались в Совет, пополняя и усиливая фракцию".

И хотя до конца августа меньшевики еще были в Совете, но руководство основными отраслями административно-хозяйственной жизни постепенно переходило к большевикам. Тот процесс большевизации Совета, о котором докладывали делегаты с мест VI-му Партс'езду (3/16 августа), в Луганске проходил ускоренным темпом.

1-го июля в Луганске была организована демонстрация рабочих, инициатором которой была фракция Совета. Эта демонстрация тоже послужила доказательством для луганской организации того, что луганский пролетариат в своем большинстве идет за большевиками. Об этом говорили не только большевистские лозунги, пестреющие в массе демонстрантов, но и резолюция, предложенная большевиками и принятая огромным большинством демонстрантов. В резолюции говорилось о том, что „считая, что ни начавшимся наступлением, ни соглашением между собою правящих классов, войну закончить невозможно, мы находим единственный выход из кровавого столкновения, виновником которого является империализм всех стран, в виде немедленного перемирия и в немедленном созыве мирной конференции. Считая, что коалиционное министерство оказалось неспособным ни побороть внутреннюю экономическую разруху, ни проявить себя более энергичным в вопросах внешей политики,—мы находим, что только единая власть в лице Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов сумеет вывести нас из создавшегося тупика. Констатируя факт, что государственная дума и государственный совет собирают вокруг себя все контр-революционные силы, что они определенно занимаются наускиванием казачества и армии на революционный пролетариат, мы требуем немедленного раскассирования этих царских учреждений, дабы лишить третьеиюньских зубров оплота в деле выковывания народу новых цепей".

Наиболее убедительным фактом, подтверждающим рост влияния большевиков среди рабочих Луганска, положительные результаты борьбы большевитской луганской организации за массы, являются перевыборы городского самоуправления.

Для проведения перевыборной кампании была выделена на районной партконференции специальная комиссия для руководства перевыборами. Кампания началась появлением в «Донецком Пролетарии»—газете Партийного Комитета,—муниципальной программы большевиков, основное содержание которой сводилось к критике существующей власти—власти, поддерживающей контр-революцию, к необходимости перехода власти к пролетариату и беднейшему крестьянству, «только такая власть может приблизить нас к скорейшему окончанию войны и демократическому миру».

Программа требовала немедленной отмены смертной казни, амнистии революционным вождям, солдатам и рабочим, скорейшего созыва учредительного собрания. В части задач, стоящих перед городским хозяйством, муниципальная программа большевиков говорила о расширении прав городского самоуправления, о восстановлении разрушенного хозяйства „путем переложения налоговой тяжести на имущие классы"; о передаче продовольственного дела в руки самого населения, улучшений жилищных и гигиеническо-санитарных условий, условий труда, особенно рабочей массы. „Всего баллотировалось на этих выборах девять списков. Все афиши тумб были залеплены списками и воззваниями". „Ворота

пестрели различными цветами об'явлений с призывами голосовать за соответствующие списки, одним словом, предвыборная кампания достигла невиданного напряжения. Наша газета призывала голосовать за № 1, причем очень щедро печатались воззвания". [1])

Выборы происходили 6 (19) августа и кончились блестящим успехом большевиков: из 79 мест в Городскую думу большевики получили 25. Подавляющее большинство из них были рабочие Гартмановского завода. Большинство голосов получил Ворошилов.

„Первое заседание думы происходило в зрительном зале горно-коммерческого клуба. Оно было обставлено по всем парламентским правилам. Большевики сидели за столом на сцене слева, крайними справа сидели кадеты и „демократический союз домовладельцев"; в центре расположилися слева на право меньшевики, бундовцы и т. д., до народных социалистов включительно. Когда эсер Любомудров, открыв собрание от имени временной Управи, предложил избрать председателя, раздались голоса «просим Ворошилова». В результате голосования тов. Ворошилов был избран председателем собрания, при чем меньшевики от голосования воздержались, сделав об этом предварительное заявление.

После вступительной речи Ворошилова заслушали декларации партий, после чего собрание приступило к выборам председателя думы: 43 голосами, при воздержавшихся меньшевиках и бундовцах, был избран Клим Ворошилов.

Фактическими хозяевами города сделались большевики. Но большевистская организация к этому времени не ограничивалась только городом, влияние ее распространялось за пределы его, устанавливалась и укреплялась связь с прилегающим промышленным и сельским районом.

В мае, по инициативе Комитета партии, была созвана конференция Совета Рабочих Депутатов. На конференции было организовано Уездное Бюро Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Председателем Бюро был избран тов. Ворошилов.

Бюро не обладало админиотративными правами, и тем не менее сыграло большую роль. Находясь в руках большевиков, оно распространяло свое влияние далеко за пределы границ Луганського уезда—большевистские организаторы нередко проводили свою роботу на территории Таганрогского, Мариупольского, Старобельского уездов, Каменской станицы и т. д.

В Бюро обращались со всякого рода заявлениями, просьбами о выезде на места для разбора конфликтов рабочих с администрацией на рудниках, заводах, ж. д., по крестьянским делам. [2])

Росту влияния большевиков в Луганске и в районе несомненно способствовало и то обстоятельство, что луганская организация имела свою печать.

Парткомитет в мае выделил редакционную комиссию во главе с К. Ворошиловым, которая 1 (14) июня выпустила первый номер газеты „Донецкий пролетарий". Это была первая большевистская газета в Донецком бассейне, и естественно, что в деле укрепления влияния Луганской организации, она, несомненно, сыграла большую роль.

И демонстрация 1-го мая, и июльские дни в Луганске, и перевыборы в Городскую думу, и завоевание печати—все это факты, говорящие о

[1]) Николаенко. Летопись революции 1927 г. № 4.

[2]) Николаенко. Летопись революции. 1927 г. кн. 4.

том, как луганская большевитская организация шаг за шагом завоевывала свое значение, как луганский пролетариат окончательно уходил из-под влияния мелко-буржуазных соглашателей. Но было-бы неверно, не соответствовало бы действительности, если-бы мы допустили, что эти победы и завоевания достались луганской организации легко, что враги были ничтожны, что для борьбы с ними не нужно было тратить особой энергии и сил.

В Луганске, как зеркале, отражались все этапы революциии. И тот вой врагов, которым контр-революция сопровождала каждый шаг большевиков, то упорное сопротивление, с которым сдавала она свои позиции новой пролетарской силе, та напряженная, требующая всех сил партийной организации и идущего за нею рабочего класса,—борьба—все это характеризует и жизнь луганской организации на данном отрезке времени—от февраля до октября.

В июле Владимир Ильич Ленин писал: „Суть дела состоит в том, что власть нельзя сейчас уже мирно взять...“ Именно революционный пролетариат, после опыта июля 1917 года, и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть—вне этого победы революции быть не может“.

«Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27-го февраля по 4-е июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы».

Анализ июльских событий, выводы, сделанные Владимиром Ильичем Лениным были целиком восприняты партией, преломились в ее действиях.

После июльских событий партия стала готовиться к решительному бою, пролетариат вооружался.

Большевики Луганска уже с апреля организовывали боевые рабочие дружины.

В тот день, когда было получено известие о Корниловской контрреволюции, Луганский Комитет созвал вечером заседание фракции Совета с активом луганской организации и некоторыми эсерами из Совета.

Было решено организовать комитет по охране революционного порядка, в который под председательством Ворошилова вошли Абрам Каменский, Николаенко Иван, Штанько и другие. По распоряжению Комитета (называвшегося Комитетом Спасения Революции) ночью были арестованы офицеры местного гарнизона, немедленно поставлены комиссары во все правительственные учреждения, по воинским частям проведены митинги и выборы новых командиров. На третий день после организации Комитета к тов. Ворошилову явился один из новых командиров с сообщением о том, что войска пришли демонстрировать свою преданность революции. Комитет в полном составе вышел приветствовать революционные войска, дружным „ура“ ответивших на приветствие комитета. На четвертый день Комитет делал доклады на митингах по всем заводам о проделанной работе, об опасности контр-революции, о необходимости быть готовыми к борьбе за революцию. А вечером этого же дня на митинге тов. Ворошилов тоже делал доклад о текущих событиях и о проделанной Комитетом работе.

12-го сентября (н. с.) Комитет опубликовал в местной газете воззвание с сообщением об измене Корнилова. Возвание заканчивалось слова-

ми «Вследствие вышеизложенного мы, избранники местного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов... во имя защиты революции, на которую уже посягнул высший командный состав,—приняли на себя временно революционную власть, которой предоставлены самые широкие полномочия. Беря на себя столь ответственные задачи и веря в то, что весь пролетариат, революционное войско и вся демократия, которой дороги завоевания революции, окажут нам в столь тяжелое время полную поддержку, мы призываем все население города Луганска и уезда к спокойствию и к вере в то, что образовавшаяся революционная власть будет стоять на защите интересов революционных завоеваний страны».

«Луганский Комитет Спасения Революции». [1]

К дополнению характеристики этого периода в Луганске необходимо добавить, что сложившееся к сентябрю соотношение классовых сил, сосредоточение в руках большевиков уже значительных элементов власти, все растущее озлобление рабочих масс Луганска к политике временного правительства и местным соглашательским партиям, настроение воинских частей—все это вместе взятое—давало в руки большевиков все шансы на то, что нужно взять власть в свои руки—сделать Совет большевистским.

Перевыборы Совета дали победу большевикам. Председателем Совета был избран тов. Ворошилов.

Власть в Луганске перейшла в руки большевиков.

Тов. Погребной говорит: „Октябрьский переворот не был новостью или чем-то неожиданным для луганского пролетариата, так как в сущности говоря, в Луганске этот переворот произошел в сентябре месяце: диктатура пролетариата проявлалась во всей своей широте, и октябрский переворот лишь оффициально конкретизировал форму управления и подчинил луганский пролетариат революционному центру [2]).

Октябрь на Луганщине

После октябрьского переворота в Луганске были организованы по всем линиям административно-хозяйственного управления советские организации, возглавляемые первоначально Революционным Комитетом, позже Луганским „Совнаркомом", председетелем которого был избран Юрий Лутовинов. Тов. Ворошилова в это время уже в Луганске не было. Избранный от Луганска в учредительное собрание, он уехал в Петроград и в Луганск вернулся уже в марте 1918 года для формирования 1-го Социалистического Партизанского Отряда.

Послеоктябрский период, особенно с конца 1917 года, в истории луганской организации и луганского пролетарията характеризуется все более разворачивающейся гражданской войной. Луганск сделался ареной борьбы с надвигающейся контр-революцией в ее разнообразных видах.

Прежде всего, донская контр-революция, возглавляемая атаманом Калединым, немедленно после октябрского переворота, поставила себе задачу уничтожение советской власти. К идущим за Калединым казачьим частям стали присоединяться отряды из офицеров, юнкеров и кадетов. Калединцы захватывали Донбассовские рудники, разгоняли рабочие организации, арестовывали и зверски расправлялись с руководителями этих организаций.

---

[1]) Николаенко. Летопись революции. 1927 г. кн. 5—6.

[2]) Погребной. Луганский пролетариат в борьбе за Октябрь.

Донбасс с его углем, равитой промышленностью, иностранными капиталами, вложенными в промышленность, с его революционным пролетариатом неизбежно должен был сделаться ареной грандиозных боев с врагами революции. И Луганск должен был стать одним из основных пунктов разворачивающейся гражданской войны.

Донбасс был для Донской контр-революции тем этапом, через который она намеревалась ударить на Москву, предварительно изолировав центр Октябрьской революции от угля и металла, а Луганск был ближайшим пунктом, куда должен был быть направлен первый удар Донской контр-революции.

Крупный старый пролетарский центр, мощный источник революционных сил, готовых на защиту Октября—Луганск, несомненно, прежде всего был опасен контр-революции, и на него нужно было в первую очередь ударить. Кроме того, Луганск имел патронный завод, что также имело существенное значение для контр-революции, будь она калединская или всякая другая прочая.

Наконец, Донбасс в целом, а Луганский округ в первую очередь граничили своей территорией с Доном.

Луганский пролетариат и луганская большевистская организация это прекрасно понимали, и поэтому вопрос об обороне Луганска сделался актуальным вопросом с самого начала революции. Организация боевых рабочих дружин с первых месяцев революции является тому доказательством. Уже в марте-апреле начали организовываться боевые дружины по заводам и вне города по рудникам. Отряды несли охрану и быстро увеличивались.

Июльские дни и особенно Корниловское восстание поставили перед луганской организацией и рабочими вопрос о вооруженной защите революции во всей его остроте.

По инициативе Партийного Комитета был создан уже упомянутый Комитет Спасения Революции, при котором была немедленно организована комиссия по обороне Луганска. В деятельности Комитета Спасения Революции и заняли самое видное место вопросы о подготовке обороны и об'единения рабочих боевых дружин, при чем Комитет имел своей задачей не ограничиваться только городом, а об'единить в вопросе организации обороны уезд и прилегающие к нему территории.

Комитет учел, что создать боеспособную защиту можно только сорганизовав и об'единив в единое целое рабочие дружины. При наличии незначительного гарнизона в городе рабочие дружины должны были сыграть большую роль. Уже к концу июля рабочие дружины начали усиленно обучаться военному делу и значительно количественно выросли и окрепли. С целью об'единения их в единое целое, под общим руководством, Комитет постановил образовать из рабочих дружин единый отряд, а для руководства вооруженными силами создал штаб, начальником которого был назначен А. Пархоменко.

Это было в августе 1917 года.

Так было положено начало существованию луганского отряда, впоследствие легшего в основу организации в Луганске тов. Ворошиловым Красной гвардии.

Вопросом исключительной важности в деле организации военной обороны было вооружение ее. Тов. Ворошилов, выехав в Харьков, оттуда выслал оружие. После этого луганский партийный комитет делегировал

своего представителя в Харьков снова с поручением достать оружие и Луганск получил вагон винтовок и три-четыре пулемета.

Луганским рабочим вскоре пришлось принять и непосредственное участие в боях против калединцев. Первое выступление было связано с боем между станицей Глубокой и Каменской, где были разбиты луганским отрядом казачьи части эсаула Чернецова, прославившегося своими зверскими налетами на рудники.

Совместными усилиями донецких рабочих, революционно-настроенных казаков и войск Саблина удалось задушить донскую контр-революцию, но надвигалась новая, еще более грозная нежели калединцы, контр-революция. На Украину наступали немцы, а немецкая оккупация несла за собою ликвидацию всех завоеваний революции.

Богатства Донбасса и его революционный пролетарият не могли пройти мимо рук оккупантов. Донецким пролетариям, в числе их и луганским нужно было готовиться к упорной и грозной борьбе.

На призыв партии стать на оборону страны от оккупантов луганские рабочие, как и весь пролетариат Донбасса, ответили дружным вступлением в ряды Красной армии.

Луганская организация и весь Луганск превратились в военный лагерь, все сконцентрировалось вокруг военной обороны революции.

В марте приехал в Луганск тов. Ворошилов, оставивший гражданскую работу, и приступивший к формированию 1-го социалистического партизанского отряда.

Став во главе луганского отряда, тов. Ворошилов выступил против немцев. Первый бой с немцами, 1-й социалистический партизанский отряд принял под Конотопом у станции Дубсвязка, защищая подступы к Харькову.

Несмотря на исключительную энергию сопротивления пролетарских красных войск, пришлось под натиском прекрасно оборудованных немцев отступить сначала к Харькову, затем оставить Донбасс.

Луганские отряды влились в образовавшуюся под командой тов. Ворошилова в апреле 5-ю украинскую армию. Тысячами шли донецкие рабочие в ряды Красной армии на защиту революции. Но враг был силен, и в 20-х числах апреля эвакуировался и последний опорный пункт Донбасса—Луганск.

Начался героический царицынский поход, яркой страницей вписанный в историю борьбы за Октябрь.

Так, с 1902 по 1918 годы работала, развивалась, получала уроки и одерживала победы одна из самых старых организаций Партии—луганская; так боролся за революцию луганский пролетариат.

За исключением некоторых периодов, в эти годы работал с луганской организацией и руководил ею Клим Ворошилов.

С луганскими рабочими тов. Ворошилов вышел на дорогу профессионального революционера, вместе с луганскими рабочими, пройдя школу военных боев в донецких степях, начал тов. Ворошилов свою деятельность военного вождя Советских республик.

КЛИМ ВОРОШИЛОВ

В ВОСПОМИНАНИЯХ РАБОЧИХ-КАДРОВИКОВ, ТОВАРИЩЕЙ ПО ПОДПОЛЬЮ И БОЕВЫХ СОРАТНИКОВ

Коллективное воспоминание о Климентии Ефремовиче Ворошилове конечно еще не закончено. Нашей подборкой ему положено только начало. Металлисты Луганска и Алчевска, шахтеры Донбасса, товарищи по подполью, соратники в военном деле не исчерпали еще фактов, бытовых мелочей, совокупность которых нарисует выпукло, красочно и ярко образ Клима Ворошилова.

Наша подборка смонтирована из воспоминаний, собранных Испартом; из воспоминаний алчевских рабочих, присланных к 50-тилетнему юбилею Климентия Ефремовича и из дополнительных воспоминаний, записанных специально для сборника.

При обработке этого материала, мы старались сохранить стиль и характер подлинников. Пришлось, правда, упустить ряд однородных воспоминаний, чтобы в монтаже не повторялись одни и те же факты. Основным стержнем нашей подборки мы взяли те жизненные этапы, сквозь которые прошел Климентий Ефремович и которые непосредственно связаны с донбасским и луганским пролетариатом. Мы начали с детства и закончили Царицынским походом. Поэтому и воспоминания разбиваются на три основных группы. Алчевск и начало революционной деятельности. Луганск и революция 1905 года, подполье, 1917 год. И наконец гражданская война.

Может быть в этих воспоминаниях много хронологических неточностей. Ведь память часто спутывает даты и перемещает факты. Но все-таки со страниц сборника сквозь шум заводов, митинговые речи, гул восстаний и гражданской войны встает во весь рост вождь луганского пролетариата, последовательный ленинец Клим Ворошилов, счастливо сочетавший в себе революционный темперамент с организационным талантом, редкую смелость с крупным интеллектом.

Елена Сталь.

В АЛЧЕВСКЕ.

Тов. Ворошилов о начале своей политической деятельности

„В 1896 году я поступил на завод при ст. Алчевск. Работая на заводе, я не переставал читать, а общение с учителем довольно быстро давало ростки, я умственно и культурно рос. Однажды, кажется в 1897 или в 1898 году, на завод был назначен полицейский пристав. Отсюда начинается моя политическая работа. Сей полицейский пристав Греков приехал к почтмейстеру, мимо которого проходили мы, подростки, человек 10-15. Все поздоровались с приставом, кроме меня. Пристав был ретив и глуп. Соскочив со скамьи, где он сидел в обществе „дам", бросился ко мне с кулаками с требованием об'яснить, почему я не поклонился. Я рассмеялся в лицо „начальству", и оно с гневом вцепилось в мою рубашку, а я в свою очередь запустил руки за галстух озверевшего сатрапа. Почмейстер и все мои товарищи исчезли, а я с тумаками, легкими, правда, был водворен в каталажку. На второй день я был освобожден, но преследования начались систематические и настойчивые. Сначала за мной следили „тайно", а затем стали ходить по пятам агенты пристава. Преследования сделали свое дело: я не только открыто повел разговоры с учителем на политические темы, но уже завел знакомства и на заводе и среди учительства".

(Из автобиографии тов. ВОРОШИЛОВА, написанной им для энциклопедического словаря „Граната" том 41-й ч. 1-я разд. „Деятели СССР и Окт. революции" стр. 94).

Бывш. полицейский участок при заводе ДЮМО где спервые сидел тов. Ворошилов в камере № 3.

---

40 лет тому назад на территории Алчевска было захолустное место. Всего одна деревня Васильевка и при ней экономия Алексеевского горно-промышленного общества. На месте существующих мартеновских печей были построены простые коксовые печи для выжигания кокса из угля.

Станция в то время именовалась Юрьевкой, на ней мой отец проработал станционным сторожем около 12 лет, после чего перешел служить сторожем в экономию Алексеевского горного общества. В эту экономию поступил и отец Ворошилова пасти скот, но квартиры для семейства Ворошилова не было. А отец мой местный житель. Когда его хата пришла в полную негодность, он построил себе новую, покрытую землей. Старая в то время стояла свободная. В эту старую хату и поселился Ворошилов со своей семьей и прожил в ней до 3-х лет.

Мне было в то время 12 лет, а Климу 10-тый год. И мы вместе с ним работали на сортировке кокса и угля на коксовых печах и на полевых работах в экономии. Семейство Ворошилова состояло из отца, матери, двух дочерей и одного сына Клима, которому ввиду бедности пришлось с ранних лет помогать отцу.

М. Крамаренко.

Помню, отец Клима Ворошилова работал при конторе радаковского рудника. Квартировали они в казарме, при шахте № 7. Квартира была на юг окнами, на север дверьми. Двери были такие, что если не согнешься, расшибешь голову.

Как-то, в 1894 году, проходил я мимо мастерских на коксовые печи. Хотел пройти в степь. Смотрю, сидит дед Ефрем (так звали отца Клима Ворошилова).

— „Здорово, дед Ефрем".

— „Здорово, сынок".

— „Что ты здесь сидишь?".

— „Да, поджидаю Климентия, чем-то он меня порадует. Уж время было-бы ему идти, а его почему-то нет".

— „Придет".

— „Да, как-же не беспокоиться, он у меня один сын, а здоровье мое плохое. Все думаю я, как-бы его выучить, отдать в Васильевскую школу, к хорошему учителю".

Перебрались они на плотину. Как сейчас помню эту маленькую избушку, ниже плотины на косогоре. Неоднократно бывал я в этой избушке.

Дед Ефрем (отец Клима) всегда был спокоен, бодр. Никогда не выражал неудовольствия. И тогда, когда нас погнали с завода, дед Ефрем оставался бодрым. Старик был на редкость.

Однажды, спасаясь от полиции, я взял у деда Ефрема три рубля взаймы. Дед покачал головой и говорит:

— „Ох, ребята, опасную игру затеваете".

Иван Александрович Придорожко.

Отец Ворошилова приехал из Боровского и поступил пастухом в экономию Алчевского, близ Васильевки.

Я встречал Ворошилова мальчиком. Потом Ворошилова определили в Васильевскую школу.

В детстве Клим был смелым, бойким мальчиком. Клим помогал пасти скот помещика.

Из детских игр запомнилась мне игра в мяч. Клим был очень азартным игроком. Часто волновался, точно был чем-то недоволен.

Отец, мать и сестра Ворошилова жили возле хаты Крамаренко. Мы встречались по воскресеньям. Я работал на шахте, а Клим на заводе. Он был всегда недоволен. Обижался он на дисциплину, на трудную работу, на заводские порядки.

Жили Ворошиловы страшно бедно. Нуждались во всем. В землянке Ворошилова очень темно, пол был глиняный. Обстановка самая бедная. Вместо кровати были нары. Вместо стульев сбитая из досок скамейка. К матери, и к отцу и ко всей семье Ворошилов относился очень внимательно. Он очень волновался из-за того, что семья жила бедно и помагал семье с ранних лет.

Отец Клима был неграмотный, мать тоже.

Клим был единственно грамотным в семье человеком.

Помню, Клим очень любил читать. Читал много. Я видел у него тома Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Шевченко. В ненастную погоду он читал дома, где было всегда темно, а в ясную погоду всегда устраивался где нибудь на травке.

Клим был гораздо развитее своих сверстников.

Моя жена в девичестве Зацепина, учившаяся вместе с Ворошиловым, разсказывает, что в школе Клим был не только первым по учению, но и первым драчуном.

Земское училище где учился тов. Ворошилов.

Я помню, мы в детстве 2 или 3 раза дрались.

Играли в мяч, я, Паранич, Пузанов, Сараев и Ворошилов. Не поладили из-за меча. Разодрались. Я был на три года старше Ворошилова, однако он полез на меня. Очень был горячим и азартным. Вспыхнет, по-

краснеет, загорится как порох. Он 2 раза ударил меня, я его тоже. Потом успокоились.

Клим одевался в детстве по крестьянски. Носил фуражку с широкими полями, черные или голубые сатиновые рубашки, ходил босиком.

Питание в семье Ворошиловых было плохое. Ели борщ, ржаные галушки, замешанные на воде и это в то время, когда помещичьим зерном были завалены все амбары и дома.

Помнится в 1893 году, я Крамаренко и Ворошилов лопатили помещичий хлеб (пшеницу). Работали от зари до зари и получали за это по 20 коп. в день. Вместо денег выдавали квитки.

О помещике Алчевском Клим говорил: „живут на наш счет, а мы страдаем". Это он говорил тогда, когда помещик Алчевский приехал на дачу, разбрасывая бедноте конфекты.

Потом встретились мы с Ворошиловым в 1917 году в О-ве потребителей. Он созвал митинг и говорил большевистскую речь. Некоторые отвечали: „долой, долой".

Несмотря на провокационные выкрики врагов, Ворошилов говорил больше часу.

Потом встретились с Ворошиловым в 1926 году. После митинга мы пошли в ячейку и говорили о прежней и теперешней работе на заводе.

Потом он подробно расспрашивал о том, как я живу. Я рассказал

Епифан Савельевич Плуготаренко.

С Ворошиловым мы учились в школе вместе у Семена Мартыновича Рыжкова. Читали мы довольно много. Рыжков давал нам классиков. Прямо удивление брало, как вчерашний пастух—так упорно читает и легко усваивает.

В Алчевске была проведена забастовка крановщиков. Вождем ее был Ворошилов. Его не раз избивали полицейские.

Шел я раз с репетиции, прохожу мимо кузнеца Мацнева в 12 часов, слышу кто-то стонет.

Спрашиваю: „кто это?"—„это я—Клим, помоги мне".—Кто избил тебя"?—„Кажется Грузинов".

Я забрал Ворошилова. Мы его с матерью обмыли. В 1907 году, когда я был в армии, пришло на мое имя письмо. Письмо попало к ротному. Вызывает меня ротный капитан Беляев, показывает письмо в 4 листа и говорит:

— Вот видишь, никого нет, прочти и забудь, что я тебе дал.

Я начал читать письмо. Письмо было от **Клима Ворошилова**.

Со свойственной ему прямотой, резкостью и горячностью Клим писал о службе царю, о рабочем классе, о необходимости воспитания солдат в духе неподчинения начальству и верности делу рабочего класса. Я прочел письмо. Беляев отобрал его от меня и сказал: „Никогда таких писем не имей, а то тебя упекут туда, „куда телят Макар не гонял".

Когда началась революция, Ворошилов приезжал к нам и организовал дружины. Он говорил:

— „Будьте готовы товарищи. С казаками придется вести борьбу. Вот помяните мое слово."

Потом Климентий Ефремович уехал, встретил я его в Киеве в 1920 году.

Я был в охране штаба **Ворошилова.**

— „Как ты попал сюда?— „Так, как все".— „Ну действуй".

Берещанский Павел Николаевич.

Я работал вместе с Ворошиловым на заводе ДЮМО. Он работал машинистом крана, а я литейщиком. Мы были всегда дружны. Еще мальчиком лет 18 Ворошилов показал себя с самой хорошей стороны. Он был предприимчивым, способным и расторопным рабочим.

У нас такой порядок: прежде чем попасть в машинисты крана, надо 2-3 года поработать помощником, а Климентий Ефремович помощником был только 6-7 месяцев.

Толсторебов Иван Арсентьевич.

В Алчевске был французский завод, где работали рабочие французы. Французы работали по гонорарам. Русские рабочие (квалифицированные) получали от 80 к. до 2-х руб. в день, а французы даже не квалифицированные от 12 до 25 руб. в сутки.

Пошло брожение. Выходило так, что мы, русские работаем, а французы получают деньги.

Дом, где жили родители и где провел свое детство тов. Ворошилов.

Русские стали требовать, чтобы их выделили в отдельную смену, чтобы доказать, что они работают не хуже французов.

Клим Ворошилов был агитатором и руководителем этого движения.

Назревала забастовка:—„Или выделяйте нас в особую бригаду, или забастуем"—говорил Клим. Это было в конце 1902 г. или в начале 1903 года.

Михаил Модчанов.

Вместе с Ворошиловым мы работали в литейной мастерской машинистами на кране. Было это в 1902 г. Нас заставляли работать вечера, приходилось оставаться на производстве после 6 час. вечера. Но писать сверхурочные часы начальство отказывалось.

Благодаря настойчивым уговорам т. Ворошилова—я и Поляков бросили работу в 6 час. вечера. На следующий день нас не пустили на работу. Через 2 дня нам работу дали, а Ворошилова послали к доменным печам на глиномялку мотористом. Тов. Ворошилова начала преследовать полиция, а через несколько дней совсем выдворили с завода и запретили являться в Алчевск. Он все таки продолжал работать с нами. В памяти у меня крепко засела первая прокламация, полученная от него „Паук и Муха", „Поп и черт". По выезде из Алчевска, Ворошилов не бросил нас совсем, иногда наезжал тайком. Однажды, когда он был у меня, явился полицейский. Жена спрятала Клима в сарай и закрыла сени. У меня на квартире находился гектограф, на котором я, после от'езда т. Ворошилова, печатал прокламации.

М. Греков.

Однажды работали в ночной смене. Я работал при паровых котлах, а тов. Ворошилов в это время заправляло свещением в этой-же кочегарке. —Я его спросил.

— „Что ты сегодня заправляешь лампы? Клим ответил мне: „что его механик снял с крана за то, что „мы машинисты пришли к нему требовать надбавки. Сняли только меня, так как товарищи, которые были со мной, сразу ушли, я остался один и меня обвинили в том, что я уговаривал всех товарищей".

В том-же 1902 году в ноябре был такой случай: мы с т. Ворошиловым работали в ночной смене. Когда мы пришли с завода в 6 час. утра, то выяснилось, что ночью был обыск и у меня и в квартире т. Ворошилова, но у нас ничего не нашли. С тех пор началась слежка за Ворошиловым.

В 1904 г. я был случайно в Луганске, зашел в школу завода Гартмана, там я увиделся с т. Ворошиловым. Мы с ним разговорились на тему о русско-японской войне я стоял за победу над Японией, а тов. Ворошилов, сказал:

„Надо стоять не за победу России, а за полное ее поражение, тогда скорее будет революция". Когда тов. Ворошилов был на Кавказе, он прислал мне оттуда письмо, в котором он просил меня, его сестру и мать приехать на станцию Дебальцево, он хотел нас всех видеть, в особенности свою маму. Беседа наша продолжалась часов 5, в то время мы с ним, по его предложению, обменялись карманными часами, у него были часы серебрянные массивные с серебрянным цепком, а мои были варе-

ной стали, цилиндрический ход. После февральской революции я писал Климентию Ефремовичу, чтобы он к нам в Алчевск приехал и помог организовать партию большевиков. Тогда у нас было большое засилье меньшевизма, но т. Ворошилов приехал в Луганск, а у нас побыл мало.

Щербаков Н. А.

Знаю я тов. Ворошилова с 1902 г. Познакомился я с ним через одного рабочего электрического цеха Мирошниченко Ивана. Он убит в 1905 году. Я был мальчуганом, приходил с Мирошниченко к Ворошилову на квартиру. Ворошилов давал прокламации, чтобы их разбросать. Первый раз, когда он дал прокламации, я их запихнул в рабочую блузу за пояс и пошел на завод. Он мне говорил, чтобы я разбросал их по заводу, чтобы все рабочие прочитали. Я, чтобы скорее разбросать, разбросал по 10-20 штук. Полиция заметила и все прокламации подобрала. Когда я на другой день пошел к Ворошилову и он узнал, что полиция забрала прокламации, он меня за ухо крутнул так, что ухо долго болело.

Потом я встречал Ворошилова в 1912 году, когда он был заведующим пекарней и наконец пришлось встретить Ворошилова на фронте. Когда в 1918 году нужно было подкрепление на южный фронт, он мобилизовал меня и т. Кирпиченко, послал на крымский фронт. После отступления, когда я прибыл в Пятихатку, тов. Ворошилов послал меня на Григорьева, я струсил и сказал, как я буду командовать? Он же на меня стал кричать—„А я что, генерал, что аримей командую". Достаточно что ты донбасовец". Когда сдавали Кременчуг, я тоже был вместе с Ворошиловым.

Строкотенко.

Я работал молотобойцем на Брянском, Жиловке и др. рудниках, Ворошилов бывал там, выступал, раздавал листовки. Помню, как на Брянском руднике тов. Ворошилов вместе с тов. Поддубным и Ноченко печатали на гектографе боевые прокламации. Там я с Ворошиловым и познакомился. Часто я встречал Ворошилова на Павловском руднике и на Жиловке, в Алчевском заводе „ДЮМО", где работал и Ворошилов. В Алчевске я часто встречался с Ворошиловым на квартире Берещанских, где я столовался. Ворошилов тоже часто ходил к Берещанскому Ананию Николаевичу и приносил подпольную литературу, а 12-тилетний брат Анания—Василий, шустрый мальчуган, литературу переносил на завод, во время завтрака и обеда. Ананий тогда был машинистом воздуходувных машин. В нижнем этаже машинного отделения, где находится конденсатор, было выдолблено отверстие (за шкафом и инструментом) Василий приносил литературу от Ворошилова, днем литература хранилась за шкафом, а ночью расклеивалась по заводу и подкидывалась в ящики во всех цехах.

Я и Ананий в ночную смену распространяли литературу. Что бывало Ворошилов скажет, то и точка. Выступал он на массовках часто. Говорил, он, конечно, не так, как сейчас говорит, но слушали его крепко, со вниманием и задания все его выполняли.

Яков Сергеевич Белоусов.

В ЛУГАНСКЕ

Года не помню. Вероятно, это было в 1903-м году. Я работал мастером электро-отдела Гартманского завода. У меня был знакомый Рыжков, которого я уважал. Однажды Рыжков привел ко мне молодого человека, очень моложавого на вид, прямо мальчика.

„Приймите его, Моисей Моисеевич, на работу",—попросил Рыжков. А кто он такой?—спросил я.—„Вы меня знаете?",—знаю.—«Ну вот, так он мой воспитанник».

Больше я не стал разговаривать и принял юношу на работу. Этот молодой человек был Климентий Ефремович Ворошилов. Он оказался толковым, смекалистым рабочим. Недели 2 или 3 он работал, как-бы учеником, под присмотром старого опытного машиниста, а потом я вижу, что Ворошилов работник хороший, поставил его машинистом крана. Ворошилов все время, пока он у меня работал, был очень исполнительным и знающим машинистом.

Чугунное литье—это ажурная работа, а он справлялся с ней превосходно. Но насколько он был исполнительным в цехе, настолько неукротим в политике. Он сразу же стал в центре революционных сил завода.

Толковый, смекалистый, понимающий с первого слова, Ворошилов был моим любимцем.

Я следил за его развитием и работой.

Насколько с ним считались, как с производственником, показывает хотя-бы такой случай. В кабинете директора было совещание инженеров. Были там инженеры: Белов, Беляев и еще человек пять. Туда пригласили Ворошилова. Впрочем, этот разговор кончился бедой.

Ворошилов был упрямый, убежденный горячий большевик, а господа и н ж е н е р ы к а д е т ы. Конечно, кадету с большевиком сговориться несколько трудновато. С производственных вопросов разговор перешел на политику. Ворошилова хотели обработать. Был он человек горячий, и слова у него были увесистые. Как начал он крыть кадетов, один кадет—Беляев, не выдержал—упал и забился в истерике. Так кончилась попытка кадетов обработать Ворошилова.

Моисей Моисеевич Вендерович.

Я помню Ворошилова с 1903-го года, когда он поступил на Гартманский завод крановщиком. Он был хорошим организатором. Он умел внушать, а мы ему подчинялись и делали, что надо. Отличался он еще самоотверженностью, решительным характером, смелостью. Но смелость у него была зрелая, большевистская. Он на рожон не лез. Был смелым только там, где надо. Вообще он в жизни был очень осторожен. Ему верили беззаветно. И потому что верили—подчинялись. В ту далекую пору, он 2-х часовых речей не говорил, но говорил всетаки крепко, убеди-

тельно, по рабочему—здорово. Клим был душой наших массовок. Уже тогда выковывался из него вождь. Очень нам понравилось то, что он поехал на с'езд, а оттуда привез оружие. Клим был квалифицированным рабочим.

Можно сказать без преувеличения, что тов. Ворошилов сколотил луганскую большевистскую организацию. Были у нас пропагандисты, были агитаторы, были подпольные работники, но организатором нашим был Клим. В этом его огромная заслуга. На массовках, в заводе и в степи—Клим был первым. Все явки проходили через него. Пользовался он тогда уже огромной любовью и доверием. Его побаивались и уважали, не только администрация, но даже и полиция. Много раз полиция и жандармы слышали такие угрозы: «Если Клима арестуют, мы забастуем».

Столовая механического цеха на заводе Гартмана, в которой происходили заседания совета рабочих депутатов в 1905 г.

Фактическим организатором, вдохновителем, руководителем боевых дружин был Ворошилов.

Не могу не упомянуть про один интереснейший факт из быта подполья.

В Луганске было две тюрьмы: новая и старая. Старая пустовала, так как нуждалась в ремонте, новая была переполнена. Шел 1906-й год. Арестованных было много. Нам стало известно, что старую тюрьму будут ремонтировать. В этот момент мы получили боевой приказ от Клима Ворошилова сжечь тюрьму. Сожгли. Сожгли по Климову приказу.

Карп Алексеевич Кариков. (Луганский большевик-подпольщик).

На заводе Гартмана в 1904 нас было семеро: Ворошилов, Паранич, Фридкин, Нагих, Гуров, Пастухов и Вайль.

Наша семерка была членами—учредителями профессионального общества рабочих завода Гартмана. Председателем этого первого профсоюза был выбран Ворошилов, а секретарем Фридкин. Это были первые ростки профсоюза на Луганщине.

В 1905 году было несколько забастовок. В руководстве забастовками Ворошилов принимал самое активное участие. Застрельщиками забастовок был литейный и механический отделы.

8 июля 1905 года была последняя забастовка. Администрация пустила слух о том, что завод будет закрыт. Это подействовало на массу. Нас главарей осталась небольшая кучка, когда дали тревожный гудок. Кто-то провокационно выстрелил. Этот выстрел был сигналом к разгрому. Меня, Ворошилова и еще нескольких человек арестовали и в жандармском отделении выдали нам расчетные книжки. Клима арестовали и посадили в тюрьму. Сидел Ворошилов до октября 1905 года. Тогда луганские рабочие и рабочие Юрьевского завода (ДЮМО), где руководил тогда Паранич стали требовать от губернатора освобождения Ворошилова. К тюрьме ходила огромная толпа и Ворошилова с товарищем освободили. Снова встретился я с Ворошиловым на заводе Гартмана в 1906 году. В 1907 году Ворошилова ловила полиция. Он сидел у меня. Нам сообщили свои люди, что полиция уже на Луганской улице. Надо спрятать Ворошилова. Я дал ему платье жены. Он оделся женщиной взял корзинку с бельем и с ним рядом пошла жена Данила Волошинова. Две женщины мирно пошли к речке полоскать белье, в ту минуту, когда к Параничу подходила полиция.

Так Ворошилова не поймали. В 1909 году Ворошилов под какой-то чужой фамилией посетил меня в Екатеринославской тюрьме.

Был он горячим и очень порывистым.

Дмитрий Константинович Паранич.

Ворошилова я узнал в 1903 году. Все время он был у меня на виду. Я следил за его ростом. И вот мне кажется, что вождем, трибуным оратором за которым идут тысячи, он стал в 1905 году, и первой речью большого вождя я считаю речь его на первом большом собрании профсоюза.

Он ярко, просто и деловито нарисовал нам жизнь шахтеров. Он не поскупился на подробности, вышло у него крепко и здорово.

Еще до с'езда, где определились большевики и меньшевики, Клим поступил по большевистски. Перед с'ездом большевики Луганска были разгромлены. Этим воспользовались меньшевики. В Луганск прислали меншевитского ученого начетчика (потом он философию преподавал). Этого философа звали кличкой «Русский Бебель».

Этот „русский Бебель" выступал против Ворошилова и Наташи. Говорил он красиво и складно, а все таки рабочие были за Ворошилова.

На с'езд от Луганска прошли большевики—Ворошилов и Наташа. После Стокгольмского с'езда Ворошилов делал доклад, а я его спросил: ты за кого: за беков или за меков. „За беков говорит он, всегда за беков, за Ленина". Потом он говорил, только после с'езда я считаю себя настоящим большевиком.

Помню массовку в 1905-м году. Говорит Ворошилов. По обыкновению говорит горячо, говорит о революции. Запомнились мне его такие слова: „Если наседка имеет яйцо, а в яйце зародыш, то при нормальных условиях, из яйца обязательно вылупится цыпленок. Зародыш революции на лицо. Революция назревает. Надо готовиться. Нужно учиться руководить массами. Не надо забывать, что во время революции массы должны быть вооруженными. Нужно научиться руководить массами. Мы должны иметь своих командиров“.

Общий вид „Долгой балки“ в которой происходили массовки и обучение боевой дружины в период: 1905-1906 г.г.

В ответ на ворошиловские слова, я ему потом заметил: «Володя, (Климентия Ефремовича в подполье Володей звали) мы назначаем тебя Красным Генералом».

— «Ты далеко хватил»,—ответил улыбаясь Ворошилов. «Какой я к черту генерал, я в военном деле ничего не смыслю».

Вспоминается мне другой случай, случай из 1906-го года.

Луганск в то время готовился к погрому, а мы, большевики, готовилися к отпору. К этим дням ковали мы пики.

На площади состоялся митинг. Я с ребятами пошел после митинга читать нелегальщину в кустах Ботанического сада. Казаки были недалеко. Кто-то нас предупредил, что казаки в'ехали в сад. Я говорю ребятам-пойду посмотрю. Вышел и напоролся на казаков. Казаки меня взяли в плети. Вывели на дорогу и стегают. Я рукой голову закрываю, хлещут по рукам. Ведут меня, а на встречу Корольков—хозяин Ботанического сада. С ним я на охоту ходил. «Эго, говорит Корольков, свой хлопец». Только после этих слов казаки отпустили меня. А рука в синяках, болит.

Вечером на заводе был митинг. Пошел я на митинг и взял бомбу. (Я состоял в боевой дружине). Как, думаю, увижу казаков, так и сада-

у бомбой. Наша боевая дружина обычно охраняла митинг от казаков. Я дежурил на мостике. Толкнула меня нелегкая сказать кому-то, что я хочу бомбу метнуть в казаков. Сказал и пошел. Не успел отойти 50 саженей, слышу Володин голос: «Мальцев, иди сюда». Я подошел. Вижу Ворошилов дюже сердит.—«Ты чего дуришь?».

— Отомстить хочу.«Я тебе отомщу.—Нельзя из-за личных делишек подводить. Как тебе не стыдно». И давай меня ругать. Горяч он был и сердит, когда нужно было кого нибудь разнести. А напоследок заявил: «Вот когда будут казаки стрелять, тогда бросай бомбу».

П. Мальцев.—(Большевик-подпольщик).

Первый раз на нелегальном положении я увидел Ворошилов в земской больнице. Иду — окно занавешено, фельдшерица — Александра Исааковна позвала к окну. Подошел, смотрю—ба, Володька.

Забавно, как Ворошилов сумел дать знать рабочим, что он на воле, среди них, только скрывается.

В Луганске был бенефис актера Рудзевича. Клим загримировался и вышел на сцену читать адрес. Голос массовика и агитатора узнали все. Послышались голоса: „Это Володька". Полиция встрепенулась, окружила сцену, заняла выходы. Я бросился предупредить Клима. Он прошел через оркестр, пролез под сцену и был таков.

Луганская организация Р. С. Д. Р. П. имела свою типографию. За ней следили. Приходилось ее перетаскивать с места на место. Машины и шрифт находились в Луганске, а мы делали вид, что типография находится в Алчевске. Из Алчевска приезжал тов. Воробьев и забирал новые прокламации. Некоторое количество прокламаций разбрасывали в Алчевске в то время, как в Луганске не было ни одной новой прокламации. Потом дня через 2-3 прокламации появлялись в Луганске.

Полиция терялась, перерывала весь Алчевск, но безрезультатно.

Помню один день, когда мы вдвоем с Ворошиловым разбросали несколько сот прокламаций. Был еще такой случай: в 1908 году арестовали 42-43 человека, в том числе и весь состав заводского комитета.

В тюрьме мы решили проучить полицию. Составили указание—директиву. Положили директиву в хлеб и выбросили на волю. Кусок хлеба попался жене Шмурова. Она сделала все, что надо было. Появились прокламации, в прокламации высмеивались действия полиции.

Володя имел огромный авторитет у рабочих. В гарнизон он никого не пускал, а ходил сам. Ходил он в казармы и вел там беседы. Агитация сводилась к тому, чтобы солдаты при разгроме забастовок и митингов не стреляли.

Я помню, как Ворошилов делал информацию о разложении гарнизона. Солдаты заверили, что они не будут стрелять.

В 1905 году, во время большой забастовки к нам на завод была выслана рота солдат. Солдаты нам не причинили вреда, они в нас не стреляли. Власти пришлось пользоваться не солдатами, а казаками. Это мы пожинали плоды Ворошиловской работы. Хорошо прошел бойкот 1-й Государственной Думы. Во 2-ую Думу наоборот выбирали и выбрали актив.

За что-бы Ворошилов не брался, все он осуществлял.

Помню, как-то был вместе с Ворошиловым в комиссии на приеме у вице-губернатора. Это было в 1907 году. Велено было явиться вместе с председателем союза Ворошиловым. Пришли в полицейское управление. По предложению Ворошилова мы решили встретить вице-губернатора сидя. Входит вице-губернатор и орет „Что сидите, я и то стою, мерзавцы". Ворошилов, сидя, отвечает: „Странно, господин полковник, кто вам не разрешает, садитесь и вы". У вице-губернатора была шинель на красной подкладке, но Ворошилов уговорил нас, называть его „господином полковником".

Вице-губернатор вопил на нас: „Все эти забастовки, восстания, революцию делает профсоюз".

— „Нет, это делает рабочий класс",—ответил Ворошилов.

— „Ну, представьте, если-бы в Италии стали вывозить на тачках" говорит вице-губернатор.

— „Ну, а если-бы в Италии столько веревок стали употреблять на—трудящихся, как у нас?".

Вице-губернатор побагровел.

В таком тоне велась вся беседа. Как нас тогда не арестовали, я удивляюсь до сих пор.

Тов. Ворошилов с рабочими завода „ОР".

В 1905 году, в железно-дорожных мастерских начальство заперло ворота. Там не было своей организации, они подрывали общую забастовку. Пошли туда рабочие забастовщики во главе с Ворошиловым, сломали ворота, втиснулись в цех. Рабочие к нам присоединились. С пением пошли с нами.

Интересно говорил нам, комитетчикам, Ворошилов:

— „Чем бы не кончилась забастовка, мы будем продолжать вплоть до революции".

В 1917 году приехал в Луганск Ворошилов. Офицерье не хотело дать ему говорить. Как только начинал говорить Ворошилов, офицеры делали знак и начинался крик „долой“. Ворошилова хотели арестовать, но вооруженные рабочие заявили „Арестовать Ворошилова не дадим“.

Очень был горяч Ворошилов, вечно кипел, как чайник. Помню, он вовoрил мне: „Как у тебя хватает терпения говорить с начальством, где оно у тебя? в брюхе, что-ли?“.

Еще мне вспоминается такой случай. Сидим мы с Климом Ворошиловым у меня на квартире. Мимо идут старики глухари. Я перекрестился. Клим был ярый безбожник, взглянул на меня и говорит:—„Это зачем еще?“—„Это народ верующий“—отвечаю я.—„Мне с ними прийдется разговаривать, пусть считают своим“. Клим одобрил: „Правильно, брат“.

Но был случай, когда Климентий Ефремович здорово меня ругал. Вышло это вот как. Климу надо было выступать в котельном цехе, у глухарей. Там было много стариков. Многие из них были члены Союза Русского Народа. Забастовку они считали делом преступным. Вот Клим и говорит мне: „Ты-бы подготовил их“, „Ладно“.

И я «подготовил». Взял и составил сам приговор. В этом приговоре написал фамилии главных коноводов из котельного цеха. Пришел к ним, показал приговор. «Вот, говорю,—приговор для вас, приговариваетесь вы к смертной казни, а мне дали его утвердить». Старики испугались. Многие зубами застучали. Тогда я говорю: «Нынче митинг будет, если соглашаться будете, то не буду утверждать». Глухари на все готовы.

Начался митинг. Ворошилов выступил. Ждет спора. Споры там бывали крепкие. Клим ждет, а все молчат. Все голосуют за нас. Клим удивляется «Что за чорт, что ты с ними сделал?». Я молчу. «Говорит: что сделал?». Пришлось рассказать. Покачал Ворошилов головой и начал браниться «Нельзя Нехорошо, обман—это провакация». Я молчал. Уже знал, что этак нельзя. Что-ж поделаешь? стариков не перевоспитаешь.

Алексей Георгиевич Ененко.

Я познакомился с Ворошиловым на заводе Гартмана в 1904 году,—осенью. Разговорились с ним во рву. Голос у него был сиплый, видно от частых выступлений на массовках. Ворошилов на Гартманском, руководил, положительно, всей революционной работой.

В организации профессионального общества он был первым заправилой. При его напоре тогда получили мы от акционеров завода 100 тыс. рублей.

Помню, как в 1905 году в ноябре был громадный митинг. Клима тогда взяли на поруки. Прямо из тюрьмы он попал на митинг. А на митинге 3000 человек закричали: «Клима председателем, Ворошилова—председателем». А он отказывается:—Товарищи, увольте, я только из тюремной камеры, трудно управлять такой аудиторией».

Помнится, в 1908 году, после долгой разлуки, встретил я Ворошилова Успели обменяться только двумя словами: «Ну, как жив?», спросил я.—«Жив, пока»,—ответил Ворошилов.

В 1917 году Ворошилов, как приехал, так сразу начал драться против меньшевиков. Тогда в Луганске было меньшевистское засилье. Верховодили—Ларин, Нагих и др. Клим взял крутую линию за большевистский совет. и совет стал большевистским.

В подполье Клим Ворошилов пользовался громаднейшим авторитетом.

Когда Ворошилова в б. генеральском доме назначили командармом 5 армии, он отмахивался и руками и ногами. «Не могу, какой я военный», но собрание знало Ворошилова, доверяло Ворошилову, верило в волю, силу и в его смекалку. Собрание настояло на своем и Ворошилов подчинился. На собраний был Николай Бубнов (кажется брат Наркомпроса—Бубнова) офицер, работавший с большевиками. Услышав, что Ворошилов ссылается на то, что он не военный, Бубнов сказал при всем собрании: «Клим, не бойся, я буду с тобой, командуй армией, а мы тебе будем помогать».

Иван Ильич Алексеев (Кум).

Тов. Ворошилов среди группы революционных работников гор. Луганска.

Тов Ворошилов—председатель 1-го Луганского Совета Рабочих Депутатов в 1917 году.

(Из воспоминаний С. Погребного).

«Вскоре после переворота был избран первый Совет Рабочих Депутатов, во главе которого стал небезизвестный меньшевик Ларин-Римский, перепортивший не мало крови рабочим. Рабочие Гартманского завода почти все поддерживали большевиков, но они не могли иметь большинства в совете, так как в него попало много мелко-буржуазного элемента от разного рода «трудящихся». Затем Совет пополнился военными депутатами.

С самого начала пошла борьба в Совете, принимавшая все более и более острые формы.

Вернувшийся из ссылки луганчанин, бывший член 2-й Государственной Думы, меньшевик И. Н. Нагих, пользовавшийся в свое время дове-

рием луганских рабочих, снова стремился подчинить рабочих своему влиянию. Местные большевики, состоявшие, преимущественно из рабочих—т.т. Ляпин, Лаврухин, Исачев, Иванов, Венецкий, Третьяков, Николаенко и другие, к которым примкнуло несколько интеллигентов—Каменский А, Червяков А., Истомин, Вольский—начали вести усиленную борьбу за коренную ломку политики Совета, плясавшего под дудку Керенского.

Шла ожесточенная борьба не только на трибуне луганского совета, но и на заводах—у станков и верстаков; на всех улицах, перекрестках, всюду большевики вели агитацию и разоблачали Временное Правительство и коалицию.

Приезд бывш. луганских рабочих, большевиков Клима Ворошилова и Юрия Лутовинова, сразу произвел в настроении Луганского Совета перелом. Ворошилов, как старый вождь донецких рабочих, вышедший из их семьи, еще с 1905 г. пользовавшийся у них колоссальной популярностью и авторитетом, сразу стал у кормила власти—на посту председателя луганского Совета. Тов. Лутовинов, также питомец луганской рабочей семьи, занял место представителя в Совете и члена заводского комитета завода № 60.

Под влиянием т.т. Ворошилова и Лутовинова, на заводах рабочие стали выносить недоверие так называемому «социалистическому» коалиционному правительству, возглавлявшемуся Керенским и Церетелли.

Подходили выборы в городскую думу. Все партии вели усиленную агитацию против большевиков, называя их провокаторами и обвиняя в разложении армии и в июльском восстании.

Несмотря на гнусную кампанию клеветы, большевики одержали победу и в луганскую городскую думу прошло 28 наших товарищей, а председателем ее стал тов. Ворошилов.

Таким образом, уже в августе месяце 1917 г. Луганский пролетариат поставил во главе местного управления большевиков. Все попытки меньшевиков и эсэров (не говоря уже о кадетах) спровоцировать рабочих и солдат терпели полную неудачу. На этот счет, однажды, тов. Ворошилов на заседании Совета сказал:«Луганские рабочие слишком много отдали жертв в борьбе за свержение царского строя, и теперь, когда самодержавный трон рухнул, они не позволят его восстанавливать. Зажженый факел пролетарской революции мы не потушим до тех пор, пока в великом пожаре не сгорит весь буржуазно-капиталистический мир».

(„Летопись революции“ № 4 за 1924 г. из ст. Погребного—„Луганск и его пролетариат“ стр. 53-54).

В БОЯХ С НЕМЕЦКИМИ ОКУПАНТАМИ И ЦАРИЦЫНСКИЙ ПОХОД

Тов. Ворошилов о своей военной работе

«Военную работу начал с отряда, организованного в 1918 году, в марте под моим командованием дравшегося с окупационными немецкими войсками. Вскоре был назначен командиром 5-й Украинской армии, а затем командовал отрядами, отходившими под напором немецких войск с Украины на Волгу и к Царицыну. На станции Лихая произошло большое сражение. Наши отряды в панике бежали в направлении на Белую, встретив восставших казаков и их пули.

Десятки тысяч деморализованных, изнуренных оборванных людей и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицканауровым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая железно-дорожное полотно, на десятки верст снесенные и соженные, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины. Через три месяца «группа войск **Ворошилова**» пробилась к Царицыну, и здесь из нее и других частей была образована 10-я Красная армия, которой мне было поручено командовать. В 1918 году вхожу в состав правительства Украины, затем назначают командующим войсками Харьковского Военного округа. После этого командовал 14-й армией и внутренним Украинским фронтом. В конце 19-го года—член РВС первой конной армии, в 1921 году—член ЦК РКП(б), командующий Северо-Кавказским военным округом и член РВС союза СССР, а в 1924 г. член его президиума. В мае 1924 г. назначают командующим войсками Московского Военного округа».

(Из автобиографии тов Ворошилова, написанной им для энциклопедического словаря „Граната" том 41-й ч. 1-й разд. „Деятели СССР и Октябрьской революции" стр. 98).

Тов. Ворошилов—организатор луганских партизанских отрядов.

(Из воспоминаний С. Погребного)

„Подошли дни Брестского мира со всеми его последствиями. Немцы начали оккупировать Украину. Коммунистическая партия Украины призвала луганских рабочих к обороне социалистического отечества.

Тов. Ворошилов, оставив гражданскую работу, приступает к организации партизанских рабочих отрядов и, сформировав отряд в количестве 5.000 человек, становится во главе его и отправляется навстречу немецким войскам. Отряд тов. Ворошилова вошел в соприкосновение с противником под Конотопом и самоотверженно обороняясь от превосходных сил, отступил до самого Луганска.

Здесь тов. Ворошилов пополнил свои отряды новыми тысячами донецких рабочих и с боем довел их до Царицына, где держался, уже будучи командующим 5-й, а затем 10-й Красной армией с апреля по декабрь 1918 года. Так луганские рабочие боролись и жертвовали своей жизнью за великое дело пролетарской революции. Много лучших революционеров чесно сложили свои головы в великой борьбе, много славных страничек они вписали своей кровью в историю Российской Революции.

(„Летопись революции" № 4 за 1924 г. из ст. Поіребного „Луганск и его пролетариат" стр. 55-56).

Тов. Ворошилов в 1917 году.

Первые бои луганских рабочих

(1918 год).

И. МЕЖЛАУК.

Дело было в марте 1918 года. Харьков переживал тревожные дни. Было ясно уже всем, что перевес на стороне врага, и предстоят решительные бои за самое существование советской власти на Украине.

Киев был уже в руках противника. Мы оставили Бахмач и быстро отходили к востоку. Никакой регулярной связи с фронтом не было, приходили отдельные известия, сбивчивые и противоречивые.

Я работал в то время над организацией новых судов в качестве харьковского комиссара юстиции.

Видя острую нужду в людях, я предложил свои услуги Чрезвычайному донецкому штабу, заседавшему тогда в Харькове под председательством тов. Рухимовича.

В этот момент на защиту Харькова прибыл из Донбасса отряд луганских рабочих под командой тов. Ворошилова.

Вместе с ним мы немедленно двинулись в киевском направлении, получив боевое задание—отбить у немцев назад станцию Бахмач.

В Ворожбе мы нашли полдюжины самостоятельных отрядов, сидевших по эшалонам.

Оказалось, что противник занял уже Конотоп, что общего командования у нас нет, а положение на фронте никому доподлинно не известно.

Пришлось созвать партизанских вождей на военный совет. Мы посчитали свои силы, организовали Партизанский штаб Ворожбянского района и решили штурмовать Конотоп.

Под'ехав эшелонами верст на пять к Конотопу, мы оставили пехоту во главе с Луганским полком на ближайшем раз'езде, сгрузили на землю две своих шестидюймовых пушки, передвигая их ручным способом, а сами, подобно былинным вождям, на передней площадке самодельного бронепоезда выехали вперед произвести глубокую разведку и вступить с немцами в бой.

Навстречу нам вышел из Конотопа германский бронепоезд, и сражение началось.

В те героические времена ни одного спеца у нас не было. Матрос тов. Львов управлял пулеметами, начальник артиллерии старший фейерверкер—сам наводил свою трехдюймовку; из штабного начальства, тут же впрочем заседавшего с винтовками в руках, старшим по чину оказался я, ибо достиг высокого звания ефрейтора.

Ни оперативного плана, ни письменных распоряжений, ни телефонов не было и в помине,—все заменяли несравненная импровизация и революционная отвага пролетарской массы.

Но для победы над регулярными германскими войсками, которые привела на Украину Центральная Рада, одного героизма оказалось мало.

Правда, нам удалось подбить паровоз неприятельского бронепоезда.

Но скоро немецкие снаряды вывели из строя наше орудие и завалили площадку убитыми и ранеными товарищами.

Был момент, когда я был уверен, что Ворошилова уже нет в живых. Как раз между нами разорвался снаряд, плеснув в лицо кровью и мозгами. Я протер глаза: Ворошилов остался невредим, снаряд оторвал голову нашему бесстрашному пулеметчику—тов. Латуну.

Потеряв половину команды, мы начали отходить к раз'езду.

Началась паника. Немцы зажгли вагоны со снарядами, прицепленные к броневику. В довершение беды, наши отступающие бронепоезда наскочили друг на друга и потерпели крушение.

Пожар и взрывы дополнили картину нашего поражения.

Но в этом самом поражении уже явственно сказалось несравненная доблесть луганских рабочих и их славного вождя—залог наших грядущих побед.

После минутного замешательства, луганцы быстро оправились. Все бежали без оглядки до самой Ворожбы, не слушая никаких приказов.

Какой то подпрапорщик, которому перед боем партизаны вручили верховное командование, после тщетных попыток остановить убегавших, сел на землю и истерически зарыдал.

Тогда Ворошилов принял командование. И луганцы не бежали.

Жалко стало им отдавать немцам свое детище—бронепоезд, сделанный собственными руками. Когда не удалось вытащить пострадавший при крушении бронированный паровоз, луганцы поснимали с разбитых бронеплощадок пулеметы, тщательно погрузили в вагоны свои шестидюймовки, подобрали раненных и убитых, и в полном порядке, с арьергардными боями, начали великий отход на восток—горсточка доблестных бойцов, впоследствии защитников красного Царицына, составивших ядро славной 10-й армии.

В 1920 году в сентябре под Замостьем были бои. Я была в конармии вместе с мужем, который командывал 14 дивизией первой конармии

Мы были в кольце поляков. Снаряды падали со всех четырех сторон. Мой муж с дивизией был на восточном фланге, а Ворошилов на западном. Снаряды били ураганно. Я думала, что кольцо врагов сомкнется и мы погибнем. Я влезла на хату и смотрю. Цепь спешенных конармейцев в дыму и взрывах. В той цепи под огнем был Климентий Ефремович, черный от дыма, как уголь. Оттуда от Климентия Ефремовича прискакал ординарец с требованием снарядов. Снаряды были посланы. Вскоре Ворошилов дал задание первой бригаде 4 дивизии прорвать кольцо и вырваться. Задание командира тов. Маслаком было выполнено. Мы вышли из кольца. Ворошилов в боях был наравне с красноармейцами. Не щадил ни здоровья, ни жизни.

Командиры говорили: „Клим Ефремович, поберегите себя, потеряем вас все пропадет, масса идет за вами". Конармейцы также возмущались, что Ворошилов пошел в цепь и бился наряду с бойцами.

Ворошилов говорил: „надо победить, надо завоевать, а потом беречься". В конармии на польском и на врангельском фронтах и в Царицыне я также часто встречала Ворошилова. Ворошилов в армии был героем.

Были случаи, когда Ворошилов, Пархоменко с ординарцами отбивались от целых отрядов поляков. Конармейцы относились к Ворошилову очень хорошо. Его уважали. Когда он был в боях, выступление было успешным.

В конармии уважали **Ворошилова** за то, что он умело и просто выступал перед конноармейцами. Он политически осмысливал жестокую борьбу, давал большевицкую зарядку.

На фронте Ворошилов был очень горячий. Как-то выходило так, что Ворошилов всех убеждал, все его слушались. Климентий Ефремович создавал, сковывал и вдохновлял партийную организацию конармии.

В конармии командирам попадало часто, но командиры признавали что нагоняй дают правильно и что Ворошилов в армии все видит своим глазом.

Харитина Григорьевна Пархоменко.

Героический путь.

А. ДОВБЫШ.

Первые месяца, после февральской революции, Ворошилов работал в Петрограде. Товарищи Ворошилова по революционному подполью: Николаенко, Ляпин, Погребной, Пархоменко усиленно звали его вернуться в Луганск. Очевидно, сильна была тяга Ворошилова к Донбассу, раз он бросает Петроград и снова появляется в Луганске. Первые его выступления я запомнил. Он выступал на митинге у заводской школы на площади. На митинге был весь завод Гартмана. Ворошилова слушали с большим напряжением. Чувствовалось, что он пользуется огромным авторитетом. Завод знал его, как старого Луганского революционера.

С приездом Ворошилова оживилась работа Партийного Комитета. Пошло наступление против меньшевиков и эсеров по всему фронту. Одной из основных задач большевиков было—вишибить меньшевиков, засилие которых чувствовалось повсюду. Авторитет Ворошилова, сплотившего вокруг себя все ядро большевиков подпольщиков, помог делу.

В конце 1917 года председателем Городской Думы выбирается Ворошилов. Он же проходит и в Совет Рабочих, Крестьянсках и Красноармейских Депутатов.

Но вторжение немцев на Украину, наступление их по направлению к Луганску заставляет отвлечься Ворошилова от вопросов советского строительства. На зов партии и правительства Ворошилов отвечает организацией отряда. Луганский пролетарият с энтузиазмом идет на клич своего революционного вождя. Отряд формируется главным образом из рабочих теперешнего завода «ОР» и завода № 60. Принимая во внимание то обстоятельство, что отряду придется двигаться по линии железных дорог, рабочие завода Гартмана устривают бронепоезд. Для этого берутся железные полуоткрытые пульмановские вагоны, все стенки их обкладываются мешками с землею. У некоторых „броневиков" сделали деревянный простенок и также засыпали его землею. С таким бронепоездом и начал свою военную деятельность тов. Ворошилов. Отряд первым ушел по направлению к Конотопу.

Через несколько дней приступили в Луганске к организации второго партизанского отряда под командованием Латышева. Основное ядро этого отряда также шло за счет крупных промышленных предприятий Луганска. Наш отряд (я выступил как-раз с этим вторым отрядом) по примеру Ворошиловского тоже изготовил себе „бронепоезд". И первый и второй отряд пролетариат Луганска провожал с энтузиазмом. Мы выехали со станции под дружное „ура" и звуки оркестра.

Наш отряд под'езжал к Основе, когда Ворошиловский отряд под напором немецкого наступления, начинал отступать из-под Конотопа. Мы получили распоряжение принять все меры к обороне станции Основы.

Оба отряда бюли высажены из эшалонов и расположились цепью влево и вправо от станции Основы. Для нашего отряда это было первое боевое крещение. Мы приняли его в несколько необыкновенной обстановке. Нам, плохо вооруженным, необученным партизанским отрядам приходилось сдерживать прекрасно вооруженные регулярные войска немецкой армии. Наши командиры были также мало опытны, как и мы.

Немец двинулся на нас с правого фланга от Харькова и повел наступление с целью отрезать часть отряда по линии железной дороги между Жихорем и Змеевым. Ворошилов с группой в 200 человек был действительно отрезан и отступил по направлению к Купянску.

Им удалось пробраться без особенно тяжелых потерь. Наша часть отряда начала отступление к Змееву.

Не доезжая до Жихаря, у нас произошло крушение. Несколько вагонов с продовольствием сошло с рельс. Разгружать их было невозможно. Мы их отцепляли, захватывали веревками и спускали под откос. Вместе с вагонами летели вниз мешки с сахаром, мукой, крупой. Этим продовольствием попользовались местные крестьяне.

Недалеко от Змеева немцы перерезали нам путь и движение было приостановлено. Отрезали нас человек 60 от отряда. Был тут Скороходов, я, Закапылов Гришка и другие. Мы бросили свой эшалон и стали пробираться к Змееву пешим порядком. По дороге наткнулись на немецкий раз'езд в 20 человек. Благодаря тому, что перед нашим отрядом шел пост, мы не попали в расплох. Дали залп, сняли двух немцев с лошадей и пост ускакал.

Мы благополучно добрались до Змеева. Отступая дальше, мы пытались взорвать Змеевский мост, но опыта в этом отношении у нас не было. Не хватило снаровки. Взорвать моста нам не удалось.

Первое наше выступление было окончено. Другие части стали сдерживать немца, а мы вернулись в Луганск. Здесь в Луганске наши отряды были окончательно об'еденены под общим командованием Ворошилова.

Второй раз мы выступили уже об'единенным отрядом до Ныркова по Северо-Донецкой железной дороге. Оттуда повернули по линии Сватово-Купянск и высадились на станции Кременной у Кабанье. Здесь первый раз мы расположились уже настоящим фронтом, по всем правилам исскуства. Вырыли окопы. Была жуткая погода. Ветер дул резкий и холодный. Трудно было согреться. Немец вместе с отрядами украинской буржуазии время от времени наступал. Но дело ограничивалось перестрелками. На этом участке наш отряд впервые увидел немецкий аэроплан. Большинство наших людей вообще впервые видело

аэроплан. Он летел очень низко, сильно гудел и сыпал на нас сверху из пулеметов. Среди наших партизан поднялась паника. Успокоились только тогда, когда аэроплан улетел.

Напор немцев стал сильнее. Пришлось нам сняться с наших окопов и снова погрузиться в эшалон. Опять тронулись по железно-дорожной линии. У станции Переездная здорово досталось нашему бронепоезду. Там железно-дорожная линия идет в выемке между двумя возвышенностями. Буржуазия обстреливала наш эшалон с этих возвышенностей. Наши пульмана совершенно были не защищены сверху и мы прошли буквально под дождем пуль. Отстреливаясь от белых и немцев дошли мы до самого Родакова. В Родакове уже скопилось несколько отрядов. На совещание, которое проходило в здании Родаковского вокзала, все отряды были об'еденены в 5-ую армию. Эта, вновь рожденная армия, была заряжена настоящим боевым духом. В ней преобладали рабочие и шахтеры Донбасса. Командование было поручено Ворошилову. Во время заседания над Родаковым появились три военных немецких аэроплана. Они летели совсем низко и сбрасывали бомбы. Снова вспыхнула паника. На эту панику и расчитывали немцы. Через несколько часов они повели наступление как по линии железной до-

Т.т. Алябев, Щаденко, Ворошилов К. Е. и Пархоменко А. (1918 г.)

роги, так и пешеходным путем. С нашей стороны боем руководил Ворошилов. Пользовался он среди нас несокрушимым авторитетом. Всегда и везде был в первых рядах. Этот бой мне запомнился. Он был первым боем, поставленным по всем правилам военного исскуства. С нашей стороны уже участвовала артиллерия. Я сам, с несколькими товарищами, управлялся с 6-ти дюймовкой. Бой был окончен в нашу пользу. Было отбито несколько орудий. Но под напором немецких сил нам пришлось отсупить в Луганск. Этот бой был продолжением прежней военной тактики. Мы задерживали быстрое наступление немцев, чтобы дать возможность эвакуировать все ценные грузы из Луганска. 27-28 апреля 1918 года шла усиленная эвакуация Луганска. Особенно спешно эвакуировали весь ценный груз с завода № 60. Вслед за эвакуацией оставили Луганск и мы.

С нами двинулся целый город на колесах. Красногвардейцы, семьи металлистов, горняков, со скарбом, с птицей и даже с телятами. Вся эта громада—эшалон в несколько сот вагонов с десятками тысяч людей двинулась на Миллерово. Над нами, как верный страж, все время летел немецкий аэроплан. Паники он уже не наводил, к нему привыкли. Только изредка постреливали из винтовок. На Чертково мы двигаться не могли, там сидели немцы. Для нас остался единственный путь Миллерово-Лихая-Царицын. Двигаясь по основному пути, армия выделяла отдельные отряды для борьбы с наростающей казацкой и белогвардейской контр-революцией. Так революционная группа Каменских казаков, Сулинских шахтеров, Луганских металлистов, под начальством Ворошилова, в ночь на 3-е мая высадилась на станции Глубокая и пошла по направлению к Каменску. Оттуда развернутым фронтом повела наступление на Гундоровскую станицу, где засело контр-революционное казачество и офицерство. Белогвардейцы отступили. Вся станица буквальнр вымерла. В ней осталось несколько стариков. И мы спокойно ее заняли. Это нас окрылило. Ведь мы снова продвигались по направлению к Луганску. Перед нами раскрылись самые заманчивые перспективы. Мы выкинули лозунг «Даешь Луганск». Сделали привал, потом построились в колонны и начали выходить из станицы. У Гундоровки протекает речка, а за мостиком начинается равнина. Казаки в это время собрали все свои силы, подошел немец с запада и с горы они открыли беглый ураганный огонь по нашим колоннам. Создалась невероятная паника. Ряды смешались. Всем казалось, что из огненной ловушки не вырваться, не уйти из-под ураганного огня. Люди бежали, падали, поднимались и снова бежали. И именно здесь Ворошилов проявил свое исключительное присутствие духа. Верхом на коне, под ураганным огнем вместе с Сашей Пархоменко носился он среди бежавших людей. В панической толпе налету он выхватывал лучших людей и через некоторое время организовал, первую цепь из луганчан. А через два-три часа была установлена и вторая цепь. Огонь начал утихать.

Мы стали отступать к станции Каменск и снова началось движение со всеми эшалонами на Лихую.

Контр-революционное кольцо смыкалось. Все труднее было его прорывать, били нас немцы, а с Сулима шла слетевшаяся на Дон белогвардейщина.

В Лихой бой завязался примерно с 9 часов утра.

К 2-3 часам он был в полном разгаре. Немцы пустили аэроплан. Все время боем руководил Ворошилов.

Здесь мы потерпели большое поражение. Мы спешно отступали к Грачам, оставив часть эшалонов, бросив часть своих раненных, которых во время боя стаскивали в вокзал. Их постигла жестокая судьба. Часть была расстреляна озверевшей белогвардейщиной, часть закопана живьем.

Отступая к Морозовой, мы перегруппировались. У нас двигались сотни вагонов, сотни эшалонов, с десятками тысяч людей. Это двигался шахтерский и металлургический Донбасс по полям когда-то тихого, теперь взбунтовавшегося Дона. Наше движение к Царицыну шло под непрырывным натиском белогвардейщины, старавшейся разгромить на каждом шагу армию. Мы были связаны с железно-дорожной линией. Мы двигались огромной массой, с напряжением отвоевывая каждую пядь земли. Перед нами разбирали железно-дорожную линию, шпалы жгли, гнули рельсы. Мы разбирали путь сзади эшалона и вновь прокладывали; с нами кроме того ехал изрядный запас рельс и шпал и здесь сказывался организационный талант Ворошилова. Двигались мы под непрерывным обстрелом.

Часто у нас не было воды и топлива. Нам надо было поить и питать паровозы, армию, женщин и детей. В топливо шло все, что попадалось под руку. Воду также доставляли отовсюду. Если вода была далеко от железно-дорожного пути, устанавливали живой конвеер из красногвардейцев, женщин и детей постарше. По такой живой цепи, которая растягивалась иногда по 2-3 километра мы ведрами делали запасы воды для паровозов и людей.

Нужны были исключительные организационные способности, чтобы удержать в железных руках всю эту разнородную массу людей, кормить, поить, продвигать вперед и не дать задушить ее наступающей белогвардейщине. У нас были отряды, которые несли чисто-военную службу, были отряды, которые под руководством Рухимовича, строили железно-дорожный путь, были отряды, которые несли все внутреннее обслуживание наших эшалонов.

Именно эта строгая диференциация давала возможность нашей армии продвигаться вперед.

В Морозове 3-ая и 5-ая армии слились в одно, и снова общее командование двумя армиями было поручено Ворошилову. Мы тронулись по пути к Царицыну. У нас было два санитарных поезда № 108 и № 145. Со станции Морозов был свободный путь до Царицына. Нас, тяжело раненных и часть семей об'единили в одном № 145 санитарном поезде. Впереди для защиты пошел наш оставшийся от царских времен броневик «черепаха». Нам дали небольшую охрану под руководством Якимовича. К общему ликованию изнуренных раненных наш поезд пошел полным ходом к Царицыну. С эшалонами мы проходили по километру в день; редко-редко удавалось нам одолеть два километра. Полтора месяца мы были совершенно оторваны от внешнего мира. Поэтому равномерное быстрое постукивание поезда подействовало на нас лучше всяких лекарств. Мы радовались и ликовали: ведь до Царицына остался всего день езды.

Благополучно миновали станции Обливская и к 5-6 часам вечера приехали на Суровикино. Часть раненных уже заснула. Затянувшаяся стоянка никого не волновала. Решили, что нас оставили для ночевки. В нашем поезде было 500-600 человек.

Утром, часа в 4-5 мы вдруг услыхали отдельные выстрелы. Забеспокоились. Начали вылезать на площадку. Среди населения поезда

пошли жуткие слухи: «черепаха» ушла вперед, паровоза нет, нас загнали в тупик, с юго-восточной и восточной стороны наступает белая кавалерия и пешие части.

Через пару часов наступающие начали вести артиллерийский обстрел. Снаряды падали вокруг поезда. А у нас был какой-нибудь десяток винтовок и мы отрезаны от своих. Раненные в панике стали вылезать из вагонов, тут же падали. Часть расползлась по степи. Но скрыться было некуда. Каждый разорвавшийся снаряд вызывал новый прилив паники. Везде раздавались душераздирающие крики и стоны. И вдруг со стороны Обливской появился наш паровоз. С ним был только один пустой вагон. В нашем примитивном броневике ехал Ворошилов и Пархоменко. Но наш поезд был в тупике, прицепить его было нельзя. Пархоменко ранило в плечо. Начали втаскивать раненных в вагон, поместили туда несколько семей. Люди ползли, цеплялись за колеса, за рессоры, лезли на буфера, на тендер. Надо было торопиться. Здесь была очевидная провокация. Успеют взорвать враги путь, погибнет наш броневик и наш Ворошилов. Поднялась стрельба снарядами по эшалону. Бронелетучка, обвешенная людьми, отошла от станции под градом пуль.

Нас несколько человек уцепилось за рессоры. Потом четырех из нас перебросили к котлу. Во время дороги двоих убило. Одному из убитых пулей перерезало шею.

Паровоз № 585 был весь изрешечен пулями. Вокруг рвались снаряды.

Но мы все-таки прорвались до станции Обливская. Отсюда сейчас же развернулось лихарадочное наступление. Надо было спасти оставшихся раненных. Но когда поезд № 145 был отбит, то во всем поезде нашлось только 7 человек живых, все остальное была изрубленная груда тел со следами самого невероятного изуверства и издевательства. Поезд был абсолютно разграблен. Медперсонал частично расстрелян, частично взят в плен.

Ивана-Цупава живым вытащили из-под трупа его сына Павла.

Среди убитых белогвардейцев мы натолкнулись на несколько попов с винтовками. За резню беззащитных людей, за уничтожение санитарного поезда полковник Попов получил чин генерала.

И вот наши эшелоны, минуя трагическую станцию, снова двинулись к Царицину. Снова началась героическая борба за каждую пядь земли.

У станции Чир мы натолкнулись на нове препятствие. Мост через Дон был взорван. Первый пролет зиял пропастью. Казалось, что все погибло. Пошли розговоры о том, что Царицын близко, надо бросить эшелон, пешком добраться до Царицына.

Но здесь снова проявился редкий талант Ворошилова людской панике противопоставить свою организующую волю. Бросить эшелон—это значит бросить все ценное имущество; пойти пешком—это значит распустить армию, сколоченную такими героическими усилиями.

И было решено мост восстановить.

На это восстановление потребовался еще целый месяц. Мост у станции Чира—экзамен тов. Рухимовичу на Наркома путей сообщения. И тов. Рухимович экзамен блестяще выдержал.

Восстанавливали мост под безпрерывным обстрелом. Восстанавливали его без всяких технических средств. Мост был построен волей Ворошилова, Рухимовича и лучшей части Донбасовского пролетариата.

Сперва начали востанавливать первый пролет. Материал подвозили паровозом, вагонами, носили руками. Засыпали камнями, щебнем, землей Работали все. И вот на поверхности воды выявились первые признаки насыпи. Фундамент был заложен насыпь была сделана. Потом начали накладывать шпалы все выше и выше. Шпалы клали в клетку, пока не сравняли с уровнем моста. Тогда наложили рельсы и по рельсам пошел паровоз. Он шел осторожно, и за каждым его движением следили тысячи напряженных глаз. Должно быть ни один машинист не испытывал такого ликования, как тот машинист, имя которого история не сохранила но который провел паровоз через этот необычайный мост и выехал на твердый, верный железно-дорожный путь.

Потом, под обстрелом неприятеля (к счастию многие снаряды у белых не разрывались) стали пропускать состав за составом.

Мост прошли.

За Кривой Музкой наши части соединились с Царицынскими частями.

Героический путь был пройден.

Именно в этом походе Ворошилов развернул свои таланты, всю свою волю и энергию, которые были в нем заложены с самого детства.

Несмотря на бессоные ночи, он всегда был в работе. Своей быстротой, натиском, решительностью он внушал всем окружающим веру в победу.

Только благодаря железной дисциплине, которую ввел Ворошилов в течение 3-х месяцев двигалась многотысячная армия с семьями по узкой колее железно-дорожной линии. Путь Лихая-Царицын был построен фактически заново.

Так залег по степям этот революционный. Турксиб.

Следует еще добавить вот что:

Ворошилов как-раз вовремя влил в оборону Царицына новые силы.

Луганские металлисты и донбасские шахтеры во главе с крановщиком и слесарем Ворошиловым, сыграли решающую роль в исходе гражданской войны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1.

Прокламация

Выпущенная луганским комитетом РСДРП(б) в феврале 1905 года

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

К рабочим завода Гартмана

Товарищи. Гнет наших притеснителей—капиталистов и их защитника—царя и его министров дошел до самых крайних пределов. Во всех концах России: в Петербурге, Риге, Варшаве, на Кавказе и Урале везде и всюду рабочим не в моготу стало дольше терпеть этот гнет. Они сознали свое ужасное положение, они сознали, что действительно дальше терпеть и выносить этот гнет на своих плечах невозможно, и об'явили всей России, всему миру, что и они люди, что и они хотят жить, не как вьючное животное, а как разумно мыслящие их братья, заграничные рабочие. Товарищи! Пора и нам присоединиться к общей борьбе наших товарищей—рабочих и на ряду с ними пред'явить свои требования:

1) 8-ми часовой рабочий день;

2) Государственное страхование рабочих за счет капиталистов;

3) Увеличение заработка на 20%;

4) Увеличение поденной платы чернорабочим и женщинам на 30 копеек в день;

5) Постоянная комиссия из выборных от рабочих и лиц администрации для установления расценки и выяснения недоразумений между рабочими и администрацией завода;

6) Отмена сверхурочных работ;

7) Полная отмена штрафов;

8) Не высчитывать за порчу инструмента;

9) Устроить вентиляцию в мастерских завода и улучшить санитарные и гигиенические условия;

10) Вежливое обращение администрации и служащих с рабочими;

11) Улучшение больничных условий и более внимательное отношение доктора, фельдшеров, акушерок к рабочим;

12) Не рассчитывать и не арестовывать рабочих и выборных от них как во время забастовки, так и после нее;

13) За дни забастовки уплатить полный заработок;

Товарищи! На ряду с такими требованиями наши товарищи Петербурга, Москвы, Екатеринослава, Харькова и многих других городов пред'явили свои политические требования, к которым и мы должны присоединиться:

1) Участие народных представителей в управлении государственными делами;

2) Свободы слова, печати и собраний, союзов и стачек;

3) Освобождение всех пострадавших за убеждения;

Товарищи! Во время забастовки ведите себя тиао и спокойно, не разбивайте машины и вообще заводского имущества, не громите лавочек, не громите евреев, словом, держите себя так, как держали и держат себя рабочие других городов. В этом и заключается наша организованння борьба, борьба, которая принесет нам одну лишь пользу и докажет всем, что и мы умеем бороться за улучшение своего положения и за светлое будущее.

„Горный комитет Рос. Соц. Демокр. Раб. партии".

Приложение № 2.

Резолюция

Принятая луганским комитетом РСДРП(большевиков) по поводу дезорганизаторской работы меньшевиков перед III-м с'ездом партии

„Принимая во внимание то ужасное положенне, в котором находится партия, тогда, когда сознательный авангард—РСДРП—в виду надвигающихся событий должен был находиться во всеоружии на своем посту, луганская организация РСДРП считает единственным достойным и честным выходом для партии из положения дел, созданного в ней дезорганизаторской работой меньшинства III-й с'езд, который сможет положить конец разброду и шатанию, так вредно отражающимся на деле пролетариата.

Ни в каком случае не находим возможным принять для партии третейский суд, предложенный тов. Бебелем, между „Вперед" с одной стороны и „Искрой"—с другой, как выход из раздирающих партию раздоров. Возможен третейский суд по известному поводу обвинения в клевете и т. тп., но не допустим третейский суд между двумя борющимися направлениями. Мы могли бы считать предложение тов. Бебеля нетактичным, если бы не приняли во внимание ту позорную агитацию меньшивиков среди заграничных товарищей, представляющие наши разногласия „подвохами отставных литераторов".

Мы бы желали, чтобы с'езд партии высказался о подчинении меньшинства большинству, об устройстве тайной организации в партии и. т. п. Нам думается, что с'езд, как-бы он не желал мира и единства в партии, не может не остановиться на таких вопросах, меньше всего считаясь с боязнью некоторых лиц, что буд-то бы постановка их приведет к расколу.

Партия пролетариата не может бояться каких то угроз, когда приходится определить свое отношение к основным принципам существования партии.

Также выражаем свое пожелание, чтобы в основу отношения к периферии взял соображение, изложенные в брошюре тов. Ленина письмо к товарищу".

Затем, принимая во внимание различие разногласий, в которых новая „Искра" заняла рабочедельскую позицию, отвергнутую II-м с'ездом, и тем самым разорвала связь, существующую между партией и Центральным Комитетом,—больше того: нарушила моральный мандат, полученный ею; признавая во „Вперед" истинного продолжателя старой «Искры», борющегося за принципы революционной социал демократии против оппортунизма новой „Искры", мы подаем свой госос за „Вперед", как за ЦО РСДРП".

Приложение № 3.

Отчетный доклад

Луганского Комитета РСДРП (большевиков) к V-му с'езду партии

Состав Луганской организации. В состав Луганской организации входит 1000 слишком организованных рабочих крупных и мелких предприятий. Организация розбита на 4 района: Гартманский, Патронный, Железно-дорожный и городской, состоящих из представителей всех цехов каждого завода, а в городском районе от ремесленных цехов. В более крупных предприятиях (например на заводе Гартмана) есть еще подрайоны или цеховые комитеты, организованные в каждом цехе.

Совокупность всех районов составляет руководящий коллектив, созываемый для совместного обсуждения важнейших вопросов, как общепартийной, так и местной жизни. Во всех случаях, требующих мобилизации всех организованных рабочих (например: для выборов уполномоченного перед забастовкой и т. п.), кроме районного коллектива созывается коллектив всех подрайонов. Каждый район выбирает своих представителей в обще-городской комитет, являющийся идейным и практическим руководителем Луганской организации.

В Луганске имеется несколько профессиональных союзов (профсоюз зав. Гартмана, союз типографщиков, булочных, портных и приказчиков). Самый крупный и влиятельный из них—союз рабочих завода Гартмана—включает половину всех рабочих завода (около .000) и существует всего полгода, остальные союзы образовались лишь в самое последнее время. Влияние социал—демократической организации на эти союзы не сказалось в должной степени отчасти потому, что союзы эти еще не успели окрепнуть отчасти вследствие недостатка сил для идейного руководства. Так, союз рабочих зав. Гартмана и союз приказчиков обращались за лекторами в столицу, но все попытки в этом направлении оказались безуспешными. В такие случаи особенно чувствуется необходимость для нашей партии в раз'ездных

лекторах для обслуживания профсоюзов, представляющих благоприятную почву для распространения с. д. идей путем лекций и рефератов.

Идейная работа Луганской организации выразилась прежде всего в пропаганде и агитации устной и письменной. Пропаганда особенно широко велась весной и летом благодаря возможности собираться под открытым небом. Зимой, вследствие неблагоприятных квартирных условий, пропогандитская работа значительно сократилась; могло функционировать от 10-15 кружков по 10-15 человек (в каждом). Но зато пропаганда выиграла в качестве, так как занятия в кружках велись систематически по программе, принятой пропагандитской коллегией, особенный интерес рабочие выявили к аграрному вопросу и к вопросу об отношени с.-д. к другим партиям: эсерам, анархистам и кадетам. При занятиях лекции пропагандистов сопровождались беседой и эта последняя система занятий особенно нравилась рабочим. Пропагандитская коллегия за последнее время перестала собираться, вследствие малочисленности пропагандистов, что вызвало ослабление пропагандитской работы в железнодорожном и городском районах.

Агитация. По поводу различных вопросов общеполитической жизни устраивались возле заводов массовки и митинги (особенно по поводу рекрутского набора и по поводу Госдумы). Наиболее многолюдные митинги происходили возле завода Гартмана. Луганским комитетом был выпущен целый ряд листовок по наиболее важным вопросам текущей жизни. За последнее полугодие были выпущены листки следующего содержания:

1) Об эксплоатации; 2) О черной сотие; 3) О предстоящем расчете на зав. Гартмана; 4) Два листка к рабочим патронного зав; 5) Листки к рабочим суконной фабрики и винного склада с призывом к организации; 6) Листок ко всем рабочим по поводу V-го Партс‘езда. С началом предстоящей избирательной кампании вся письменная агитация сосредоточилась вокруг предстоящих выборов. Были выпущены следующие листки: 1) Два листка «ко всем гражданам» (о предстоящих выборах в Думу); 2) Ко всем рабочим г. Луганска (о выборах уполномоченных на заводах); 3) Ко всем приказчикам г. Луганска; 4) Плакаты в день выборов с призывом голосовать за с. д.: 5) Листок о результатах выборов в Луганске. Всех листков было издано около 30 000. Кроме своих листков Луганским комитетом под заглавием «Три партии» и платформа ЦК с поправками принятыми на общерусской конференции. Было переиздано также письмо крестьянина к Николаю II-му. Всего перепечатано изданий за полгода было около 20.000.

В декабре—январе м-це удалось взять в свои руки местную газету —«Донецкий Колокол», в которой были помещены статьи по вопросам программной тактики. Газета просуществовала непродолжительное время, так как была закрыта по распоряжению генерал-губернатора. В ближайшем будущем есть надежда возобновить издание своей газеты. Кроме местной газеты Луганский Комитет распространял периодические партийные издания, как-то: «Пролетарий», «Вперед» «Новый Луч», «Социал-Демократ» и другие, а также легальную литературу партийных издательств, которая имела наиболее широкое распространение среди рабочих завода Гартмана.

До последнего времени **бюджет Луганской организации** составлялся из взносов самих рабочих; но вследствии общего кризиса, от-

развившегося на местных работников, заработки их настолько понизились, что организации пришлось прибегнуть к сборам среди буржуазии.

Повседневная работа Луганской организации приняла несколько иной характер с наступлением избирательной кампании, которая потребовала от организации напряжения всех сил.

Для проведения избирательной кампании при Луганском комитете была организована избирательная комиссия. Прежде всего перед организацией ребром стал вопрос вести-ли избирательную кампанию самостоятельно и проводить свой список или же вступать в соглашение с газетами.

По этому вопросу обнаружились резкие разногласия, вследствии чего местный коллектив трижды пересматривал этот вопрос. Два раза коллектив высказался против соглашения с кадетами, но под давлением меньшевиков, членов избирательной комиссии, ссылавшихся на признак черносотенной опасности и отказавшихся работать в избирательных комиссиях без соглашения с кадетами, коллектив разрешил лишь условна вступить в соглашение кадетами т. е. лишь перед самыми выборами в случае, если все усилия провести самостоятельный список окажутся безплодными.

Приняв такое решение организация направила все усилия на проведение самостоятельного списка. Предложение местных кадетов вступить с ними в соглашение было отвергнуто Луганской организацией и лишь за неимением кандидатов социал-демократов избирательной комиссии пришлось включить в список кандидатов 3-х сторонников трудовиков. Для проведения избирательной кампании были использованы все наличные силы организации. Были устроены поездки по уезду, с целью агитации за социал-демократический список.

Был выпущен целый ряд листков («Ко всем гражданам», «Ко всем рабочим», «О выборах уполномоченных», «Ко всем приказчикам и другие), для чего весь город был разбит на избирательны участки. Открытая агитация была сильно стеснена от невозможности устраивать предвыборные собрания. Единственное предвыборное собрание, устроенное октябристами, было широко использовано с. д. Выступил целый ряд ораторов с. д., которым удалось завладеть аудиторией и, несмотря на то, что черносотенцы мобилизовали на это собрание все свои силы, победа осталась за с. д.

В день выборов большинство организованных рабочих оставили работу на заводе, чтобы вести агитацию среди избирателей и раздавать им с. д списки. Накануне выборов возле заводов были устроены митинги, в результате всей кампании с. д. список прошел почти целиком, за исключением 2-х кандидатов, не прошедших по чисто случайной причине. (Благодаря формальным придиркам было забраковано много с. д. списков). Покончив с выборами в Луганске, организация приняла участие в общегубернской конференции с. д. уполномоченных и выборщиков с участием представителей от организации.

Конференция была созвана, чтобы столковаться о выборах делегатов о последней стадии. Луганский комитет делегировал своих представителей в губернский избирательный комитет, который и руководил выборами депутатов в государственную Думу. Из 2-х депутатов с. д. от Екатеринославской губ. один член Луганской с. д. организации, рабочий завода Гартмана. Непосредственно за Думской кампанией началась подготовительная работа к V-му партийному С'езду. Был выпущен листок рабочим по повиду предстоящего партийного с'езда,

с кратким раз'яснением порядка дня с'езда и с призывом всех членов организации принять участие в обсуждении вопросов предложенных ЦК.

Ввиду невозможности устраиваемых о-в избир. собран. всех избирателей коллективом была принята 2-х степенная система выборов (от каждых 10 членов партии выбиралось по одному выборщику, собрание выборщиков выбирало делегатов на с'езд).

По подсчету на колективе число членов партии определилось свыше 1000 членов, благодаря чему решено было послать 2-х делегатов. На собрании выборщиков происходили предварительные дискуссии между представителями обоих течений по важнейшим вопросам порядка дня с'езда (например, о ближайших политических задачах пролетариата, об отношении к Гос. Думе, о рабочем С'езде и др.).

Дискуссии—проводились основательно: в каждой группе выборщиков было по 2 собрания.

Общий экономический кризис, переживаемый пролетариатом России дал себя почувствовать за последнее время и луганским рабочим. Сокращение производства и угроза расчета держали рабочих все время в каком то напряженном состоянии. Угроза расчета была приведена в исполнение, когда воспользовавшись первым поводом (вывозом начальника на тачке), администрация закрыла завод Гартмана, расчитала всех рабочих и при обратном приеме оставила за бортом наиболее сознательных рабочих. Этот расчет ослабил на время Луганскую организацию, лишив ее многих передовых рабочих.

Перед организацией теперь стоит задача—восстановить работу в Гартманском районе, самом влиятельном из всех районов Луганской организации. Кризис отразился и на других предприятиях (на Патронном заводе и жел. дор. мастерских) сокращением рабочих дней в неделю и числа рабочих часов.

Нужно отметить, что под влиянием кризиса и растущей безработицы в рабочей массе стали проявляться анархические тенденции, выразившиеся в целом ряде экспроприаций и в экономическом терорре. С этого рода стремлениями приходилось бороться посредством устной и письменной агитации.

Одной из неотложных задач, стоящей перед Луганским комитетом является создание окружной организации, об'единяющей работу на многочисленных рудниках, тяготеющих к Луганску, как к партийному центру.

В этом направлении были сделаны Луганской организацией некоторые подготовительные шаги, были завязаны связи с наиболее крупными рудниками, которые Луганский комитет снабжал партийной литературой и листками. Чтобы окончательно закрепить связи и оформить окружную организацию, было решено созвать окружную конференцию из представителей от всех рудников, но провал работников в Луганске помешал осуществить эту задачу. Создание окружной организации теперь потребует значительного количества работников в которых луганская организация всегда чувствовала большой недостаток.

(Летопись Революции № 1 за 1927 год, стр. 187-191).

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 50 коп.

